EX
591

В. В. Бѣлоликовъ.

Историко-критическій обзоръ существующихъ мнѣній о происхожденіи, сущности и значеніи русскаго раскола старообрядчества.

КІЕВЪ.
Типографія Акц. О-ва „Петръ Барскій, въ Кіевѣ". Крещатикъ, № 40.
1913.

327
36

Печатать дозволяется. 25 апрѣля 1913 г.
Ректоръ Академіи *Епископъ Иннокентій.*

„Оттискъ изъ журнала „Труды Кіевской духовной Академіи"

Историко-критическій обзоръ существующихъ мнѣній о происхожденіи, сущности и значеніи русскаго раскола старообрядчества [1]).

Приступая къ изложенію курса исторіи и обличенія русскаго раскола старообрячества, мы, по доброй традиціи, оправдываемой и существомъ дѣла, считаемъ необходимымъ предпослать рѣшеніе вопроса о томъ, чѣмъ былъ вызванъ расколъ въ Русской Церкви, въ чемъ его сущность, и какое значеніе имѣлъ онъ въ историческихъ судьбахъ Русской Церкви. И это мы считаемъ не только умѣстнымъ, но и необходимымъ, такъ какъ, безъ выясненія указанныхъ вопросовъ, для очень многихъ въ высшей степени трудно понять ходъ исторической жизни старообрядчества, и необходимымъ особенно въ настоящее время, когда на старообрядчество обращается особенное вниманіе правительства, когда т. н. старообрядческій вопросъ рѣшается народными представителями, и когда само старообрядчество, подъ вліяніемъ духа времени и условій соціально-экономической жизни, рѣзко мѣняетъ свою *внѣшнюю* физіономію, вводя этимъ въ заблужденіе многихъ. Послѣднее обстоятельство можетъ въ достаточной степени уяснить намъ появленіе новыхъ мнѣній о расколѣ, на которыхъ именно и замѣтно вліяніе упомянутаго измѣненія внѣшней физіономіи старообрядчества. „Совмѣстимо ли старообрядчество съ наукою, съ граждан-

---

[1]) Вступительная лекція по исторіи русскаго раскола старообрядчества 11 сентября 1912 г.

ственностью, съ культурою?"—задаетъ вопросъ А. Мельниковъ на страницахъ „Русской Мысли" [1]), и отвѣчаетъ: „даже болѣе, чѣмъ само православіе, особенно деревенское", которое не можетъ дать себѣ отчета въ самомъ важномъ и существенномъ. „Старообрядчество", по его признанію, „устраивается не на внѣшней іерархіи, не на подчиненіи кого либо апостольскимъ престоламъ, а на внутренней самодѣятельности каждаго въ церковной жизни, на пониманіи, что Церковь есть народъ, что она—не формальное только учрежденіе, а жизнь народная".

„Душа то у православія и старообрядчества, замѣчаетъ Философовъ на страницахъ той же „Русской Мысли" [2]), одна—отрицаніе догматическаго развитія Христовой Церкви, потому что въ Православной Церкви есть только „священство", но не можетъ быть „пророчества" (по В. Соловьеву), а разъ такъ, разъ внутреннее содержаніе православія и старообрядчества одно и тоже, то и необходимымъ условіемъ уніи со стороны господствующей Церкви является вовсе не признаніе старопечатныхъ книгъ, а то, чѣмъ она существенно отличается отъ старообрядчества, т. е. освобожденіе ея отъ подчиненія государству и свѣтской верховной власти".

Возможность появленія такихъ мнѣній, особенно на страницахъ свѣтскаго журнала, свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что въ сознаніи русскаго общества есть какая то живучая потребность—знать о расколѣ больше, чѣмъ извѣстно до сихъ поръ, потребность разгадать этого двухъ съ половиной вѣкового сфинкса, подойти къ нему съ какой нибудь новой стороны, чтобы глубже проникнуть въ его сущность. Значитъ, общество не удовлетворяется прежними рѣшеніями старообрядческаго вопроса, такъ какъ въ нихъ оно не находитъ разгадки *современнаго* старообрядчества, будто бы измѣнившагося въ самой *сущности*.

---

[1]) „Самобытность старообрядчества" Русск. Мысль, 1911 г. № 5.
[2]) „Русск. Мысль" 1911 г. № 5.

Указанные нами вопросы рѣшали очень многіе, и рѣшали весьма различно. Послѣднее зависѣло отъ многихъ причинъ. За рѣшеніе вопроса часто брались люди, совершенно неподготовленные, или мало знающіе дѣло, или не владѣющіе въ достаточной степени потребными матеріалами. Послѣдній недостатокъ можетъ быть признанъ общимъ недостаткомъ изслѣдователей прежняго времени, времени начала научной разработки исторіи раскола, когда изслѣдователямъ, часто по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, были недоступны матеріалы, на которыхъ должно было базироваться рѣшеніе вопроса и которые стали достояніемъ нашихъ дней. Естественнымъ плодомъ этого являлась *односторонность* сужденій о расколѣ. Изслѣдователь обращалъ вниманіе на одну какую нибудь сторону вопроса, мало касаясь, а иногда и совсѣмъ не касаясь другихъ, и на основаніи изслѣдованія одной только стороны, дѣлалъ поспѣшное заключеніе, обнимающее всю сложность вопроса. Съ изданіемъ и распространеніемъ матеріаловъ по исторіи раскола, съ разработкой нѣкоторыхъ деталей вопроса, остается меньше мѣста для недостатковъ подобнаго рода.

Но это не единственный недостатокъ научныхъ изслѣдованій по исторіи раскола. Не малое число историческихъ трудовъ страдаетъ, въ большей или меньшей степени, *отсутствіемъ объективности* изслѣдованія. Этому способствуетъ, или точнѣе сказать, это обусловливается тѣмъ, что изслѣдователи приступаютъ къ рѣшенію извѣстныхъ вопросовъ съ *тенденціозными предпосылками*, лучами изъ коихъ и стараются освѣтить имѣющіеся у нихъ подъ руками матеріалы. Трудно съ точностью, какъ общее правило установить, по какимъ побужденіямъ они дѣлаютъ это: по безкорыстнымъ ли, вытекающимъ изъ общаго характера ихъ міровоззрѣнія, или по побужденіямъ болѣе низкаго свойства. Какъ бы то ни было, но въ то время, какъ одни изслѣдователи изображаютъ расколъ слишкомъ мрачными красками, другіе, напротивъ,

идеализируютъ его, возводятъ на пьедесталъ мученичества, обрисовываютъ расколъ съ самой лучшей стороны, какъ носителя всего святого, свѣтлаго, чистаго, тратя на это дешевый и часто безпринципный либерализмъ. Для этого допускается тенденціозное освѣщеніе матеріала, тенденціозный выборъ его и тенденціозная постановка вопроса. Отсюда слишкомъ раннія и смѣлыя обобщенія, частое смѣшеніе существеннаго съ второстепеннымъ и даже ничего не значущимъ, съ возведеніемъ этого послѣдняго на мѣсто первостепеннаго, смѣшеніе раскола съ сектантствомъ и перенесеніе многихъ чертъ съ послѣдняго на первый съ цѣлію представить расколъ въ иномъ свѣтѣ.

Но не смотря на все вышесказанное, въ каждомъ изъ разнообразныхъ мнѣній можно найти крупицы положительной цѣнности, и изъ такихъ крупицъ составить цѣльное представленіе о расколѣ.

Самое раннее и въ то же время самое живучее мнѣніе о происхожденіи раскола было высказано Епифаніемъ Славинецкимъ. Взглядъ его, какъ человѣка, близко стоящаго къ водовороту событій, можетъ быть, даже задѣтаго послѣднимъ, долгое время держался въ нашей наукѣ, да и до сихъ поръ не потерялъ еще своего значенія, что можетъ служить яснымъ доказательствомъ вѣрности пониманія указаннымъ ученымъ духа старообрядчества, хотя взглядъ Епифанія и нуждается въ значительномъ дополненіи и разъясненіи, такъ какъ, съ одной стороны, формулировка его не отличается ясностью и опредѣленностью, а съ другой—Славинецкимъ указаны самыя общія основанія отдѣленія старообрядцевъ отъ Православной Церкви. „Сіи—говоритъ Епифаній о первыхъ расколоучителяхъ: „темнымъ умовредныя *ненависти* и дебелаго *невѣдѣнія* мракомъ душевредѣ омрачившеся и мысленныя очеса своя; во оже на свѣтлую исправленій лучю не зрѣти, смѣжившеся, на первопрестольнаго священноначальника... злокозненѣ роптати дерзаютъ“. „Нѣціи“, говоритъ онъ въ другомъ

мѣстѣ: „или умовредною *завистію* воздвижени, или дебелымъ *невѣжествомъ* помрачени, въ пагубную роптанія злобу устремляются“ [1]). Итакъ, ненависть къ Никону и невѣжество—вотъ причины происхожденія русскаго раскола. Мы вѣримъ опытному наблюденію Славинецкаго, хотя и не имѣемъ возможности оцѣнить его взгляды съ точки зрѣнія имманентной критики, такъ какъ онъ не представляетъ никакихъ разъясненій, никакихъ аргументовъ.

Точно также отзываются о расколѣ Симеонъ Полоцкій, патр. Іоакимъ и св. Димитрій Ростовскій. Первый называетъ расколъ „слѣпотою“, „безумiемъ“, представляетъ его какъ результатъ крайняго упорства относительно неважныхъ предметовъ, простирающагося до „вражды“, „злобы“ и „клеветы безстудныя“. Іоакимъ въ своемъ „Увѣтѣ“ называетъ раскольниковъ людьми безумными, невѣжественными, „не знающими не токмо грамматики, но и азбуки“, которые никогда не могутъ „прiити въ разумъ истинный, „потому что „нѣсть въ нихъ истины и тьма непокорства и злобы ослѣпи имъ очи“. Св. Димитрій Ростовскій называетъ раскольниковъ „невѣжами“, людьми, какъ бы „лишенными здраваго ума“, которые съ невѣжествомъ соединяютъ самое грубое упорство [2]).

На протяженіи всего XVIII в. и первой половины XIX это мнѣніе, высказанное Славинецкимъ, и подтвержденное только что перечисленными писателями, было не только господствующимъ, но и единственнымъ, если, конечно, не считаться съ мнѣніемъ Критона у Кантеміра:

„Расколы и ереси науки суть дѣти.

Больше врутъ тѣ, кому далось больше разумѣти“ [3]), и съ слишкомъ поверхностными взглядами свѣтскихъ истори-

[1]) Привед. въ „Исторіи русскаго раскола“ Макарія. 164 стр. примѣч. 292.

[2]) Свидѣтельство изъ „Жезла“ Полоцкаго, „Увѣта“ Іоакима и „Розыска“ св. Димитрія приведены у Лысогорскаго: „Платонъ Левшинъ, какъ противораскольн. дѣятель“. стр. 28—29.

[3]) „Къ уму своему“ Кантеміра.

ковъ начала XIX в. (Голикова, Арцибашева, Берха), которые всю вину сваливали на Никона, обнаруживая при этомъ крайнюю односторонность и даже тенденціозность.

Мы остановимся на трехъ выдающихся выразителяхъ этого мнѣнія, изъ коихъ каждый хорошо зналъ расколъ.

Митрополитъ Московскій Платонъ Левшинъ полагалъ, что „расколъ основанъ на одномъ невѣжествѣ и ревности къ вѣрѣ горячей, но не по разуму“ [1]). Невѣжество было причиною того, что въ наши книги было внесено масса погрѣшностей. Невѣжество было причиною того, что исправленія книгъ патр. Никономъ было встрѣчено сначала недоумѣніемъ, а потомъ прямымъ протестомъ: „невѣжи, или суевѣры стали толковать, что аки бы церковь дотолѣ была въ заблужденіи, и что святые угодники, аки бы по тѣмъ книгамъ служа, также погрѣшали“ [2]). Правда, Платонъ указываетъ какъ на причины происхожденія раскола, или точнѣе, протеста противъ новоисправленныхъ книгъ, на побужденія матеріальнаго свойства, но они, конечно, не могли бы имѣть значенія, если бы выступали самостоятельно, внѣ связи съ невѣжествомъ.

Протоіерей Андрей Іоанновичъ Журавлевъ, первый историкъ раскола, самъ происходилъ изъ раскола. Его литературныя извѣстія о раскольникахъ отличаются вѣрностью и точностью. „Все, что удавалось ему собрать, онъ старался излагать совѣстливо, безъ увлеченія какими либо видами“ [3]).

Причинами раскола Журавлевъ считаетъ невѣжество и грубость расколоучителей, но въ опредѣленіи момента перваго обнаруженія раскола онъ заходитъ слишкомъ далеко. Безъ всякихъ доказательствъ онъ поставляетъ старообрядче-

---

[1]) „Краткая Церковная Россійская исторія“. т. II. стр 236. М. 1805 г.

[2]) Ibidem. 235.

[3]) „Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ“ А. І. Журавлева. М. 1890 г. ч. І. Вмѣсто предисловія, стр. 3.

ство въ связь съ древнею русскою ересью стригольниковъ. Почтенный историкъ зашелъ слишкомъ далеко. Вѣрнымъ въ послѣднемъ мнѣніи Журавлева можетъ быть отчасти признано то, что древне-новгородская область, гдѣ когда то имѣли успѣхъ стригольники, оказалась въ высшей степени благопріятною почвою для ***утвержденія*** здѣсь раскола, но играло ли какую нибудь роль въ такомъ своеобразномъ воспитаніи поморья стригольничество, сказать трудно. Вѣрнѣе предположить, что здѣсь играли роль естественныя причины, а не давно имѣвшій здѣсь силу раціонализмъ стригольниковъ. Но безъ указанной крайности, взглядъ Журавлева на расколъ, какъ на суевѣріе, выраженіе невѣжества, грубости, какъ на „гнилую рану, которая ни ѣдкими строгостей пластырями, каковые прежде употребляемы были, или мягкими милосердія средствами, какія нынѣ прилагаются, не пользуется“ [1])—долженъ быть принятъ нами во вниманіе, хотя и нуждается въ разъясненіи и аргументаціи. Особенно цѣннымъ намъ представляется то, что Журавлевъ какъ бы предупреждаетъ неправильное пониманіе Щаповымъ смысла Соловецкаго возстанія. Для Щапова оно служитъ однимъ изъ сильныхъ аргументовъ его теоріи, между тѣмъ, по Журавлеву, возстаніе противъ царя, какъ ему удалось установить на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, произведено „не монахами и не простыми послушниками со слугами и сторожами, а злодѣями отечества, Астраханскими разбойниками, Стенькиными сообщниками“ [2]).

Итакъ, невѣжество и грубость породили расколъ. Незамѣтно въ этомъ взглядѣ проникновенія въ сущность раскольническаго движенія. Какъ Журавлевъ, такъ и другіе изслѣдователи той же школы, не попытались уяснить, почему именно Никоновское исправленіе книгъ вызвало расколъ,

---

[1]) Ibidem. 55 стр.
[2]) Ibid. 60.

тогда какъ предыдущія исправленія обошлись благополучно, не попытались поставить раскольническое движеніе въ связь съ умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ общества въ данную эпоху и съ другими факторами культурно-исторической жизни русскаго народа. А безъ проникновенія въ сущность движенія, эти изслѣдователи, на основаніи простой дедукціи, выводили заключеніе о расколѣ, какъ *„естественномъ плодѣ невѣжества и суевѣрія“* [1]), какъ выражается г. Опоцкій. Ходъ разсужденій послѣдняго таковъ. Невѣжество породило нѣкоторыя ложныя мнѣнія касательно церковной обрядности, а суевѣріе санкціонировало ихъ. Но разъ ихъ затронули, возникъ расколъ, какъ „естественный плодъ невѣжества и суевѣрія“, какъ естественный выводъ изъ исторически сложившагося ряда причинъ.

До крайности взглядъ этотъ былъ доведенъ Преосв. Филаретомъ въ его „Исторіи Русской Церкви“. Извѣстно, говоритъ онъ, „что еще въ половинѣ XVI в. образовалось нѣсколько ошибочныхъ мнѣній и убѣжденій ложныхъ“. Съ теченіемъ времени, наростъ этихъ ложныхъ мнѣній „увеличился, созрѣлъ и наконецъ отпалъ самъ собою отъ здороваго тѣла Церкви“. А если такъ, если расколъ—естественное явленіе исторіи, то совершенно безразлично, „кто бы ни совершалъ въ половинѣ XVII в. основательное преобразованія обрядовъ, Никонъ ли, или Іоакимъ, расколъ долженъ былъ явиться, какъ безообразно сгнившій трупъ, или плевелы при вѣяніи пшеницы“ [2]) Дальше идти было некуда. Историкъ какъ будто не обращаетъ вниманія на роль патр. Никона, ничего не говоритъ о характерѣ исправленія, а его предикатъ „основательное“—исправленіе—неопредѣленнъ и безсодержателенъ. Поэтому, другіе историки начинаютъ вно-

---

[1]) „О причинахъ появленія въ русской Церкви раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества“ Опоцкаго, Спб. 1861 г. 13 стр.

[2]) Филаретъ. Исторія русской церкви. Періодъ патріаршества. Москва 1848 г. 180 стр.

сить новые факторы въ объясненіе происхожденія раскола держась въ тоже время принципіальнаго взгляда на расколъ, какъ явленіе чисто церковно-религіозное.

Первый шагъ въ данномъ направленіи былъ сдѣланъ Преосв. Макаріемъ въ его „Исторіи русскаго раскола". Правда, авторъ обнаруживаетъ склонность стоять на теоріи естественнаго происхожденія раскола, когда ведетъ длинную рѣчь о зародышахъ раскола еще въ XV в., которые „раскрывались тихо и медленно, созрѣвали постепенно, пока не принесли своего горькаго плода" [1]), но онъ уже дѣлаетъ шагъ впередъ, выдвигая значеніе личности Никона въ исторіи происхожденія раскола. По его мнѣнію, въ невѣжествѣ первыхъ расколоучителей хотя и заключается одна изъ причинъ ихъ протеста противъ книжныхъ и обрядовыхъ исправленій, но причина не главная, а главная заключается въ *личныхъ отношеніяхъ* къ патріарху Никону. Противъ Никона возстали уволенные имъ справщики во главѣ съ Аввакумомъ. Противъ него возсталъ Павелъ, епископъ Коломенскій, за то, что Никонъ помѣшалъ осуществленію его честолюбивыхъ замысловъ. „Личная ненависть къ Никону воспламенила слѣпую ревность по вѣрѣ до религіознаго фанатизма и руководила всѣми дѣйствіями" [2]) противниковъ Никона.

Итакъ *невѣжество и ненависть* къ Никону были причинами происхожденія раскола. Оставляя въ сторонѣ послѣднюю (ненависть), такъ какъ о ней будетъ рѣчь еще впереди, мы остановимся на первомъ. Могло ли невѣжество *само по себѣ* сыграть такую роль, что изъ-за исправленія книгъ и обрядовъ цѣлыя массы народа отторгнулись отъ православія? Невѣжество имѣло весьма важное значеніе въ дѣлѣ распро-

---

[1]) „Исторія русскаго раскола" Преосв. Макарія. Спб. 1855 г. Предисловіе, 1 стр.

[2]) Ibid. 163 стр.

страненія и утвержденія раскола—это несомнѣнно, но къ мнѣнію, что оно и произвело расколъ, было одной изъ *главныхъ и ближайшихъ* причинъ, едва ли не *единственной*, нужно относиться съ осторожностью. Мы остановимся на двухъ сторонахъ вопроса. Было ли вообще пресловутое невѣжество *принципіальнымъ* противникомъ исправленія книгъ и обрядовъ? Если отвѣтить утвердительно, то тогда для насъ будетъ совершенно непонятно, какимъ образомъ невѣжество не противилось исправленію книгъ въ теченіи болѣе 150 лѣтъ до Никона, почему при всеобщемъ невѣжествѣ существовало сознаніе неисправности книгъ и необходимости исправленія ихъ, существовало во времена уважаемыхъ раскольниковъ патріарховъ, и высказывалось даже тамъ, гдѣ труднѣе всего его можно было ожидать, напр. въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ только что исправленныхъ книгъ.

Если отвѣтить отрицательно, то возникаетъ новый вопросъ: почему исправленіе книгъ *именно при Никонѣ* привело къ расколу? Вѣдь Никонъ, какъ патріархъ, палъ, какъ начальникъ печатнаго дѣла скоро сошелъ со сцены, а расколъ все такъ произошелъ; даже болѣе, тотъ же самый соборъ, который осудилъ Никона, осудилъ и расколъ, не обвинивъ Никона въ томъ, что онъ своими реформами произвелъ расколъ.

Съ другой стороны, вѣрна ли *исторически* мысль о глубокомъ невѣжествѣ до-Петровской Руси? Мысль эта, съ успѣхами историческихъ изысканій, подвергается все большимъ и большимъ ограниченіямъ [1]). Мы остановимся лишь на характеристикѣ расколо-учителей, какую можно составить на основаніи изученія ихъ писаній и наблюденія надъ ихъ дѣятельностью. Были ли это круглыя невѣжды, какими хотятъ представить ихъ изслѣдователи? Всѣ они входили въ

---

[1]) Громогласовъ. „О сущности и причинахъ русскаго раскола старообрядчества". Бог. Вѣст. 1895 г. № 4 стр. 35 прим. 1,

составъ кружка Стефана Вонифатьева. Кружокъ этотъ состоялъ изъ лучшихъ представителей городского и провинціальнаго духовенства и имѣлъ цѣлію поднятіе религіозно-нравственной жизни русскаго общества, уровень коей былъ крайне не высокъ. Всѣ они были противниками многогласія, не смотря на то, что во главѣ защитниковъ послѣдняго стоялъ самъ патр. Іосифъ. Нѣкоторые изъ нихъ были замѣчательными проповѣдниками, возродившими живое слово. Проф. Каптеревъ говоритъ, что эти ревнители отличались „книжностью, учительностью, борьбою съ общественными пороками и недостатками“ [1]). Конечно, ихъ ученость и образованность были очень односторонними; отсутствіе свѣжей критической мысли бросается ярко въ глаза при первомъ же знакомствѣ съ ихъ сочиненіями; ихъ мозгъ придавленъ эсхатологическими чаяніями и тенденціями горделивыхъ русскихъ книжниковъ, видѣвшихъ въ Москвѣ третіи Римъ, какъ это выясняетъ проф. Каптеревъ [2]). Но при всемъ этомъ, если мы станемъ на точку зрѣнія XVII в., то должны признать, что расколо-учители во всякомъ случаѣ не невѣжды, которые не способны разсудить здраво ни о чемъ. Достаточно указать на діакона Ѳедора, который при всемъ своемъ преклоненіи предъ авторитетомъ буквы, допускалъ возможность порчи книгъ, порчи правды не по существу; онъ допускалъ, что отдѣльныя лица, переписчики и справщики книгъ могли дѣлать болѣе или менѣе значительныя ошибки, требующія исправленія [3]). Если такъ, если ревнители старины, и на основаніи примѣровъ прошлаго и на основаніи собственныхъ разсужденій могли допускать необходимость исправленія книгъ; если они не были *принципіальными* противниками исправленія, значитъ, причины протеста ихъ противъ Нико-

[1]) Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ „Патр. Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ“ т. I. 24 стр.

[2]) Ibid. 26—29 стр.

[3]) Громогласовъ. Бог. Вѣстн. 1895 г. № 4. 37 стр.

новскихъ реформъ нужно искать въ другомъ, не въ самомъ *фактѣ* исправленія, а въ *характерѣ и направленіи* его.

На это и обратили вниманіе послѣдующіе изслѣдователи, хотя каждый изъ нихъ затрагивалъ какую нибудь одну сторону вопроса.

Проф. Нильскій, въ своей первой статьѣ, посвященной рѣшенію вопроса о причинахъ происхожденія раскола[1]), подвергнувъ критикѣ взглядъ преосв. Филарета, по которому расколъ возникъ совершенно *естественнымъ* путемъ, доказываетъ, что „какъ ни много было въ XV и XVI в.в. задатковъ для раскола въ будущемъ, онъ только *могъ* явиться въ XVII в. при благопріятныхъ этому условіяхъ, но могъ и не явиться, если бы объстоятельства этого времени были иныя, чѣмъ какъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Расколъ все таки произведеніе собственно XVII в. и именно тѣхъ лицъ, при которыхъ онъ явился, и той обстановки, при которой онъ возникъ“[1]). Что же это за лица и что за обстановка? Лица: Никонъ, по взгляду раскольническихъ писателей, расколоучители—по взгляду православныхъ изслѣдователей. То и другое, съ точки зрѣнія Нильскаго, *въ цѣломъ* неправильно, хотя въ томъ и другомъ есть доля правды. Неправы раскольники, обвинявшіе Никона въ томъ, что онъ 1) *безъ нужды* исправлялъ книги и 2) при исправленіи поступалъ не только *недобросовѣстно*, но даже *злонамѣренно*. Первое неправильно потому, что нужда въ исправленіи была, какъ свидѣтельствуютъ уважаемыя раскольниками книги, напр. Кормчая. Противъ второго говорятъ высокія качества Никона, его отвращеніе къ латинству, въ симпатіяхъ къ коему его обвиняютъ раскольники, и самый характеръ исправленія, когда Никонъ, при исправленіи книгъ, употреблялъ освященныя традиціею средства.

---

[1]) „Нѣсколько словъ о происхожденіи раскола“. Хр. Чтеніе 1861 г. ч. I.

[2]) Ibid. 89 стр.

Снявши съ Никона подозрѣнія раскольниковъ, Нильскій, тѣмъ не менѣе, находитъ въ реформаторской дѣятельности Никона такія дѣйствія, которыя прямо или косвенно содѣйствовали появленію раскола.

Первымъ такимъ дѣйствіемъ Нильскій признаетъ распоряженіе Никона объ удаленіи съ печатнаго двора Іосифовскихъ справщиковъ. Нужно было, по мнѣнію Нильскаго, оставить до поры до времени и прежнихъ справщиковъ, такъ какъ особеннаго вреда отъ этого могло и не быть. Между тѣмъ, удаленіемъ ихъ отъ справы Никонъ оскорбилъ ихъ самолюбіе и тѣмъ повредилъ не только себѣ лично, но и тому святому дѣлу, ради котораго онъ собственно и удалилъ отъ печатнаго дѣла неспособныхъ справщиковъ, такъ какъ личное недовольство Никономъ они перенесли и на дѣло исправленія, и имѣли въ этомъ успѣхъ.

Вторымъ неосторожнымъ поступкомъ Никона были его крутыя мѣры, при помощи которыхъ онъ проводилъ свою реформу. Сюда относятся: расправа Никона съ своими противниками, и насильственное введеніе въ церковный обиходъ новоисправленныхъ книгъ. На удаленіе Никономъ расколоучителей изъ столицы, Нильскій совершенно справедливо смотритъ „не какъ на умную мѣру къ предупрежденію раскола, но какъ на большую ошибку со стороны Никона, такъ какъ, благодаря такой мѣрѣ, расколъ былъ разнесенъ повсюду“ [1]). Относительно второй мѣры Нильскій говоритъ, что она произвела во многихъ мѣстахъ волненіе, перешедшее потомъ въ явное возстаніе противъ новоисправленныхъ книгъ, и затѣмъ въ расколъ. Опять таки нужно было дозволить употребленіе и старыхъ книгъ, предоставивъ самому време-

---

[1]) Ibid. 121. Въ этомъ пунктѣ Нильскій совершенно расходится со Щаповымъ, который признаетъ распоряженіе Никона объ удаленіи расколоучителей изъ столицы „умнымъ и благодѣтельнымъ“ распоряженіемъ.

мени рѣшить спорный вопросъ. Насильственное же отобраніе Никономъ старыхъ книгъ только подтвердило общеизвѣстную истину, что запрещенный плодъ намъ почему то особенно дорогъ [1]).

Третьимъ могучимъ факторомъ происхожденія раскола Нильскій считаетъ удаленіе Никона съ каѳедры, причиною чего послужили козни бояръ. Расколъ въ данномъ случаѣ явился въ рукахъ бояръ „какъ средство въ ихъ рукахъ погубить патріарха, какъ необходимый продуктъ той закулисной механики, какую вели они для этой цѣли“ [2]). Никонъ палъ—и расколъ, не сдерживаемый его рукою, пошелъ открытою дорогою повсюду.

Проф. Нильскій, какъ онъ и самъ оттѣняетъ, выдвигаетъ на первый планъ значеніе личности въ исторіи. Ходъ историческихъ событій представляется ему *не прямолинейнымъ*, въ которомъ господствуетъ какая то логическая необходимость, приводящая къ цѣли, заранѣе опредѣляемой ходомъ событій, а въ видѣ идущаго прихотливыми извилинами съ уклоненіями въ сторону, происходящими вслѣдствіе *столкновенія случайностей*. Съ этой точки зрѣнія, всѣ ученыя изслѣдованія о невѣжествѣ нашихъ предковъ, о естественныхъ причинахъ происхожденія раскола, не имѣютъ прямого отношенія къ вопросу о происхожденіи раскола. Поэтому и подъ расколомъ Нильскій разумѣетъ не вообще „обрядовое направленіе религіозной жизни нашихъ предковъ, каковое направленіе началось еще въ XI в. и продолжаетъ существовать въ простомъ народѣ и до нынѣ, а какъ „возстаніе противъ церкви изъ-за нѣкоторыхъ обрядовыхъ разностей из-

---

[1]) На такой же точкѣ зрѣнія стоялъ въ свое время митрополитъ Платонъ Левшинъ, по которому „надлежало было, объяснивъ всѣ причины исправленія книгъ, и представивъ предъ очи видимыя ошибки, также оговоривъ, что и въ старыхъ книгахъ ничего церкви противнаго не заключается... оставить на волю: по старымъ ли служить книгамъ или по новымъ“. Крат. Церков. исторія т. II. 235 стр.

[2]) Нильскій, op. cit. 150 стр.

вѣстнаго числа вѣрующихъ, и, наконецъ, рѣшительное отдѣленіе отъ ней“ [1]).

Нильскій отводитъ весьма важное значеніе личности Никона. Въ стремленіи отстоять указанные имъ факторы происхожденія раскола, онъ преувеличиваетъ значеніе Никона, или неправильно понимаетъ его въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ другіе изслѣдователи усматриваютъ иную подкладку. Такъ напр. неудовольствіе Никономъ со стороны его враговъ за то, что онъ приставилъ къ дѣлу справы иностранцевъ, объясняется только тѣмъ, что этимъ поступкомъ Никона было *оскорблено самолюбіе* русскихъ книжниковъ. „Исправленія этихъ лицъ (новыхъ справщиковъ) клеймились именемъ ересей не потому, чтобы они были таковы на самомъ дѣлѣ, а просто потому, что эти исправленія дѣлались не Нероновымъ и Аввакумомъ съ братіею, а иностранными пришельцами“ [2]). Этотъ пунктъ вопроса вскорѣ же былъ разъясненъ нѣсколько иначе, и это разъясненіе имѣетъ силу и до настоящаго времени, такъ какъ опирается на несомнѣнныя научныя данныя.

Мнѣніе о *случайномъ характерѣ* происхожденія раскола, защитникомъ коего былъ проф. Нильскій, подверглось критикѣ со стороны Огнева [2]), критикѣ, намѣтившей новую постановку вопроса, но въ общемъ значительно съузившей взглядъ проф. Нильскаго. Огневъ едва ли не первый обратилъ серьезное вниманіе на рѣшеніе вопроса о причинахъ происхожденія раскола *самими раскольниками*, между тѣмъ какъ другіе, напр. Нильскій, отыскивали въ отзывахъ раскольниковъ лишь заднюю мысль, забывая о ихъ непосредственномъ значеніи, какое однако могло имѣть и дѣйствительно имѣло рѣшительное вліяніе на умы народа.

---

[1]) Ibid. 139 стр.

[2]) „Нѣсколько словъ о происхожденіи раскола въ русской Церкви“. Прав. Обозр. 1861 г. № 11.

Обративъ вниманіе на то, что сами расколоучители причиною происхожденія раскола признаютъ ***не вообще исправленіе книгъ***, а исправленіе книгъ *именно Никономъ* и *характеръ* этого исправленія, благодаря которому русская церковь будто бы ***впала въ латинство***, Огневъ свою теорію происхожденія раскола на этомъ послѣднемъ обвиненіи и построяетъ, не обращая вниманіе на другіе факторы, уже прочно установленныя наукою, чѣмъ, конечно, значительно съуживаетъ взгляды своихъ предшественниковъ.

По взгляду Огнева, „***въ мнимой измѣнѣ православію въ пользу латинства*** кроется источникъ и причина происхожденія русскаго раскола". Для поясненія этого непонятнаго и даже страннаго положенія, что Никонъ своими исправленіями насадилъ на русской землѣ латинство, Огневъ устанавливаетъ взглядъ на грековъ русскихъ людей XVII в., которые, не имѣя возможности провести для себя ясной границы между понятіемъ о существѣ самой вѣры, хранимой на Востокѣ, и народнымъ характеромъ грековъ, составили превратное и невыгодное для грековъ представленіе о ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, какъ „испрокаженныхъ" латинскою ересью, и о внѣшнемъ богопочтеніи ихъ, какъ нечистомъ по сравненію съ русскимъ, какъ испорченномъ именно латинянами. Отсюда естественно обвиненіе грековъ въ латинствѣ. Огневъ слѣдитъ за историческимъ генезисомъ этого обвиненія, и дѣлаетъ это весьма удовлетворительно. По крайней мѣрѣ, позднѣйшіе изслѣдователи мало что могутъ прибавить къ тому, что сказано по этому вопросу Огневымъ.

А разъ греческая вѣра и греческіе обряды заражены латинскою ересью, то отсюда одинъ шагъ до обвиненія Никона въ латинствѣ, потому что онъ и исправленіе производилъ по греческимъ книгамъ, печатаннымъ на латинскомъ западѣ, о чемъ русскіе люди хорошо знали, и справщиками были иностранцы—греки и малороссы, православіе коихъ въ глазахъ русскихъ находилось подъ большимъ сомнѣніемъ. А боязнь

латинства, боязнь за неприкосновенность русскаго православія, возбуждала въ народѣ, который раньше не смотрѣлъ непріязненно на исправленіе книгъ, разъ оно производилось русскими, безъ участія иностранцевъ, по однѣмъ русскимъ книгамъ, противленіе дѣлу Никона, какъ дѣлу, которое вредитъ чистотѣ національнаго православія. Не изъ-за одной буквы или обряда народъ отдѣлился отъ церкви, а вслѣдствіе того, что въ исправленіи книгъ усмотрѣли измѣну православію.

Такимъ образомъ, Огневъ выдвинулъ новый факторъ въ объясненіе происхожденія раскола—взглядъ раскольниковъ на характеръ исправленія книгъ—и обосновалъ свое положеніе въ достаточной степени. Взглядъ его по существу дѣла—правильный, что особенно обнаружилось послѣ открытій Бѣлокурова[1]) и изслѣдованій Каптерева[2]), который выяснилъ намъ въ достаточной степени и вопросъ о характерѣ исправленія книгъ и обрядовъ и вопросъ о роли грековъ въ дѣлахъ русской церкви, и тѣмъ какъ бы подтвердилъ историческое значеніе изслѣдованія Огнева. Недостатокъ Огнева въ томъ, что онъ не обратилъ вниманія на другіе факторы, отчего его взглядъ и вышелъ нѣсколько одностороннимъ.

Точку зрѣнія Огнева всецѣло раздѣлялъ Добротворскій на страницахъ Православнаго Обозрѣнія[3]), хотя онъ подходилъ къ ней нѣсколько инымъ путемъ. Охарактеризовавши взглядъ русскихъ людей стараго времени на книги и обряды, какъ священные не только по содержанію, но и по буквѣ, Добротворскій причину происхожденія раскола видитъ не въ самомъ *фактѣ* исправленія, произведеннаго Никономъ,—„мужемъ съ свѣтлымъ умомъ и непреклонной волей“[4]), а въ

[1]) „Сильвестръ Медвѣдевъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ при патр. Никонѣ и Іоакимѣ“. Хр. Чт. 1885 г. ч. II. Чт. въ Имп. общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ. 1885 г. ч. IV.

[2]) „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ“ т. I—II.

[3]) „Русскій расколъ въ его отношеніи къ церкви и правительству“ 1862 г. № 3.

[4]) Ibid. 366 стр.

томъ *пониманіи* реформы Никона, какое сложилось у противниковъ дѣла Никона, вслѣдствіе чего онъ признаетъ противнымъ исторіи взглядъ, по которому „вся сущность раскола состоитъ въ разнообразныхъ погрѣшностяхъ и заблужденіяхъ, уничтоженныхъ Никономъ", такъ что „не стоитъ и обращать вниманія на ничтожныя заблужденія раскольниковъ, которыя сами собою исчезнутъ съ распространеніемъ образованія" [1]. Правда, расколоучители возстали противъ Никона по поводу уничтоженія погрѣшностей и заблужденій, но какъ можно объяснить *силу*, съ которой привились эти погрѣшности, не имѣющія никакой силы, разнородныя и неодушевленныя никакой идеей. Нужны были посторонніе подпоры. Главную опору раскола Добротворскій видитъ „*въ разумѣ* православной церкви, въ ея разумѣніи заблужденій раскольническихъ и противоположной имъ истины, въ происхожденіи и направленіи этого разумѣнія по понятіямъ раскольниковъ" [2]. Раскольникамъ нужно было поколебать авторитетъ *священной іерархіи и царской власти* и противопоставить что нибудь сильное противъ *истины*. Противъ всего этого расколоучители выдвинули *обвиненіе Никона въ латинствѣ*, и это обвиненіе, какъ попавшее на благопріятную историческую почву, оправдало ихъ цѣли. По Огневу, латинство насаждено было на Руси греками и греческими книгами, по Добротворскому, расколоучители установили непосредственную связь Никоновыхъ реформъ съ латинствомъ. Но въ виду того, что для реформы оставалось еще надежда на поддержку со стороны авторитета греческаго православія, расколоучители, по Добротворскому, поколебали авторитетъ самой греческой церкви и греческихъ книгъ. Но этимъ дѣло не ограничилось. „Мысль объ отпаденіи въ римскую вѣру русской и греческой церкви привлекла къ себѣ, какъ слѣдствіе и до-

[1] Ibid. 367.
[2] Ibid. 368.

полненіе, другую мысль—мысль *о воцареніи антихриста* въ мнимыхъ отступникахъ отъ вѣры“ [1]).

Такимъ образомъ, сущность раскола, съ точки зрѣнія Добротворскаго, коренится въ убѣжденіи раскольниковъ, что православная русская и греческая церкви отступили въ латинскую вѣру, и вмѣстѣ съ этимъ отступленіемъ наступило царство антихриста. Съ этой точки зрѣнія авторъ смотритъ и на непріязненныя отношенія раскола къ гражданскому порядку, и его разсужденія объ истинномъ смыслѣ протеста раскольниковъ противъ гражданскаго порядка заслуживаютъ полнаго вниманія по своей основательности и документальности.

Во взглядѣ Добротворскаго мы отмѣчаемъ два положенія: 1) убѣжденіе раскольниковъ *въ непосредственной связи* реформъ Никона съ латинствомъ, и 2) вліяніе на происхожденіе раскола старобрядчества идей объ антихристѣ и вообще эсхатологическихъ чаяній русскихъ людей XV—XVII вв. Это—двѣ новыхъ черты въ раскрытіи даннаго вопроса, и заслуживаютъ вниманія именно въ той постановкѣ, въ какой онѣ представлены у Добротворскаго. Положенія это важно оттѣнить еще и потому, что они базируются на ученіи самихъ раскольниковъ, которому мы, по словамъ автора, „должны вѣрить больше, нежели соображеніямъ, основаннымъ на ничтожныхъ обстоятельствахъ и на поверхностномъ знаніи раскола“ [2]).

Воззрѣніе указанныхъ изслѣдователей, равно какъ и трудъ преосвщ. Макарія и первый трудъ Щапова, о которомъ будетъ рѣчь впереди, подверглись критикѣ, правда не существенной, со стороны Благовѣщенскаго [3]), который въ своей статьѣ дѣлаетъ попытку подойти къ разрѣшенію вопроса другимъ путемъ.

[1]) Ibid. 377 стр.

[2]) Ibid. 369 стр.

[3]) „О происхожденіи раскола въ русской Церкви“. Труды Кіев. Дух. Акад. 1866 г. № 4.

Главнымъ виновникомъ происхожденія раскола авторъ считаетъ патріарха Никона, который, не взирая на уроки исторіи, на уроки Максима Грека и Діонисія, производилъ свою реформу *съ шумомъ* и деспотически. Имѣя въ виду непрочность своего положенія, Никонъ хотѣлъ, по автору, какъ бы отстранить свою личность отъ дѣла исправленія и добивался соборной санкціи дѣла реформы. Но это ему не удалось, не съ фактической стороны конечно, а съ точки зрѣнія той цѣли, которую онъ преслѣдовалъ въ данномъ случаѣ. Разъ Никонъ былъ главою не только Церкви, но и государства, что значили церковные соборы, могли ли они *свое* сужденіе имѣть? Соборъ en masse слушалъ Никона, а противники его, меньшинство на этомъ соборѣ, явилось для русскаго народа представителями голоса всей русской іерархіи и увлекло сочувствующихъ людей за собою.

Какимъ же образомъ Никонъ могъ быть главнымъ виновникомъ раскола? На сцену выдвигается обвиненіе Никона въ замѣнѣ православія латинствомъ, признаніе Никона виновникомъ общественныхъ бѣдствій: внутреннихъ мятежей, моровой язвы, войны съ Польшею, затѣмъ небесныя видѣнія, пророчества и т. д.

Напрасно ссылался, наконецъ, Никонъ на авторитетъ вселенскихъ патріарховъ, напрасно *не потому, чтобы имъ не вѣрили*, а потому, что *„согласіе или несогласіе съ патріархомъ Никономъ* представлялось для противниковъ Никона пробнымъ камнемъ для опредѣленія православія или неправославія греческихъ іерарховъ“ [1]). При Никонѣ къ голосу восточныхъ патріарховъ захотѣла прислушаться и та и другая сторона Восточные патріархи рѣшительно высказались за Никона и исправленіе книгъ и—авторитетъ ихъ упалъ.

Путь, намѣченный Благовѣщенскимъ, не привелъ къ окончательному рѣшенію вопроса, потому что авторъ слишкомъ мало говоритъ объ историческихъ причинахъ про-

[1]) Ibid. стр. 529—30.

исхожденія раскола и оставляетъ нерѣшенными многіе частные вопросы, намѣчая иногда лишь штрихи ихъ рѣшенія.

Нужны были какіе то новые пути, по которымъ должна была идти мысль изслѣдователей, и она нашла ихъ, и пошла въ страну далечу искать рѣшенія вопроса о происхожденіи и сущности раскола не въ церковно-религіозной сферѣ, а въ сферѣ гражданско-политической, соціальной и интеллектуальной жизни русскаго народа.

Но и старое, традиціонное сужденіе о расколѣ не умерло, а побѣдивъ новыя мнѣнія, и воспріявъ въ себя свѣжія соки новыхъ открытій и изысканій въ области церковно-религіозной и культурной жизни русскаго народа, господствуетъ въ наукѣ и до сихъ поръ, требуя тружениковъ для разработки лишь нѣкоторыхъ деталей.

Зачатки новаго движенія мы видимъ еще въ 40-хъ годахъ XIX в., но тогда оно не выступало еще какъ опредѣленная доктрина, аргументированная данными объективныхъ изслѣдованій, и выражалось въ отдѣльныхъ сужденіяхъ и отзывахъ чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, командированныхъ въ губерніи, зараженныя расколомъ, для изученія его, въ цѣляхъ пересмотра законодательства. Экспедиціи подобнаго рода были повторяемы и въ 50-хъ годахъ. Чиновники, отправлявшіяся въ подобнаго рода экспедиціи, преимущественно въ Ярославскую, Костромскую и Нижегородскую губерніи, надѣвали простое платье, отращивали бороды, остригали волосы въ кружокъ [1]), однимъ словомъ, опрощивались, чтобы получить доступъ къ подозрительнымъ до крайности старообрядцамъ въ раскольничьи скиты Керженца или къ бѣгунамъ въ Сопѣлки. Свои наблюденія надъ старообрядцами чиновники излагали въ особыхъ „Запискахъ“, представленныхъ ими въ министерство. Наблюденія надъ рас-

[1]) Въ такомъ видѣ изображается напр. П. И. Мельниковъ, авторъ „Записки о расколѣ“, „Очерковъ поповщины“, „Писемъ о расколѣ“ и романовъ изъ старообрядческой жизни: „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“.

кольниками привели чиновниковъ къ убѣжденію, что „расколъ имѣетъ *политическій и гражданскій* характеръ, что онъ живетъ *протестомъ* противъ правительства и современнаго порядка вещей, что *раскольники* составляютъ собою особыя общества, желающія пріобрѣсть себѣ свою особую самобытность, и сопротивляющіяся общимъ постановленіямъ государства,—общества, кои, при малѣйшихъ внутреннихъ безпорядкахъ или распряхъ съ сосѣдственными державами, могутъ имѣть большое вліяніе на государство по тайнымъ связямъ здѣшнихъ раскольниковъ съ заграничными и по огромности находящихся въ ихъ рукахъ капиталовъ, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ, пожертвованныхъ или отказанныхъ въ разное время раскольниками въ пользу ихъ согласія“ [1]). Съ этой точки зрѣнія смотрѣли на расколъ и иностранцы [2])— изслѣдователи историческихъ судебъ Россіи,—которые „въ періодическихъ изданіяхъ и другихъ сочиненіяхъ своихъ, напитанныхъ завистью и злобою противъ Россіи, стараются всячески доказывать, что раскольники, подобно волкану, таятся внутри ея скрытымъ огнемъ, пожирающимъ ея наружное единство такъ, что это послѣднее раньше или позже, а должно наконецъ рушиться“ [2]).

Откуда же могли взяться подобные отзывы у новыхъ изслѣдователей старообрядчества? Чиновники являлись для изслѣдованія раскола уже съ извѣстной тенденціей—измѣрить, изслѣдовать раскольниковъ не какъ отщепенцевъ отъ Православной Церкви, а какъ гражданъ—съ точки зрѣнія гражданско-политической, и потому „Записки“ ихъ, какъ выразился Кельсіевъ о Запискѣ Мельникова, „отъ первой до

---

[1]) „Краткое обозрѣніе существующихъ въ Россіи расколовъ, ересей и сектъ“ Липранди. Кельсіевъ Сборникъ., вып. II. стр. 163 Лондонъ 1861 г.

[2]) Ibid. 157. Липранди указываетъ на сочиненіе „Russland und die Gegenwart“, приписываемое фонъ-Бюлову, изданное въ Leipzig'ѣ.

послѣдней страницы пропитаны тономъ неумолимо-чиновничьимъ“ [1]). Мѣстность же, избранная ими для изслѣдованія, была населена представителями крайнихъ партій безпоповщины: филипповцами и бѣгунами, на знамени коихъ было написано: *отрицаніе моленія за царя*, а у бѣгуновъ: отрицаніе *всего* (во всѣхъ деталяхъ) строя гражданской жизни. Чиновники же, не имѣя никакой другой точки зрѣнія, кромѣ государственной, и не имѣя потому возможности вникнуть въ дѣйствительный смыслъ оппозиціи означенныхъ сектъ гражданскому строю, обвинили ихъ, и совершенно логично, съ своей точки зрѣнія, въ противо-государственныхъ замыслахъ. Это обнаружилось даже у такого знатока раскола, какъ Мельниковъ. Идеализируя старообрядчество въ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ: „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“, въ своей „Запискѣ“ [2]), составленной для великаго князя Константина Николаевича (въ 1857 г.), Мельниковъ всѣ расколы и секты, за исключеніемъ поповщины, признаетъ болѣе или менѣе вредными въ государственномъ отношеніи [3]). Но исключивши сначала поповщину изъ числа вредныхъ сектъ, Мельниковъ немного спустя опредѣляетъ ее, какъ „оппозицію старины противъ нововведеній правительства, которое, по неотразимой силѣ историческаго хода событій, должно было уклониться отъ застарѣлыхъ обычаевъ, чтобы вывести Россію изъ китайскаго застоя“ [4]). Но при такомъ взглядѣ для насъ важно объясненіе Мельниковымъ коренного смысла этой оппозиціи, чего впослѣдствіи недоставало Щапову: оппозиція эта, по словамъ Мельникова, дѣйствуетъ *во имя вѣры*.

Взглядъ Мельникова, по широтѣ задуманной имъ постановки вопроса, заслуживаетъ вниманія, но ему недостаетъ строгой опредѣленности. Указывая, между прочимъ, на зна-

---

[1]) Вып. I. стр. XXXVII
[2]) „Записка“ напечатана у Кельсіева. вып. I.
[3]) Ibid. 170 стр.
[4]) Ibid. 175 стр.

ченіи личности Никона въ исторіи происхожденія раскола, на не совсѣмъ удачный характеръ его реформы, на вредное для русской церкви участіе грековъ въ дѣлахъ русской церкви, „утвердившихъ всѣ исправленія Никона, о которыхъ впрочемъ и судить не могли, ибо *не понимали по русски*“ [1]), Мельниковъ болѣе серьезное вниманіе обращаетъ на политическій характеръ раскола, являющагося въ его глазахъ „сильнымъ противу насъ орудіемъ государствамъ заграничнымъ“.

Своего рода пугаломъ для Мельникова въ данномъ отношеніи служитъ Бѣлая Криница съ ея митрополитомъ—центромъ вниманія всего русскаго старообрядчества. „Преданность Бѣлокриницкому лжемитрополиту и, вслѣдствіе этого, сочувствіе покровительствующему Бѣлой Криницѣ Австрійскому правительству, съ каждымъ годомъ усиливается между нашими раскольниками“. „Изъ Бѣлой Криницы они *чаютъ спасенія*“. И вотъ какого рода опасность представляется взору Мельникова. „Что, если въ случаѣ разрыва съ Австріей, впереди австрійскихъ войскъ пойдетъ Кириллъ (митрополитъ), облаченный въ древнія святительскія одежды? Осѣненіемъ своего осьмиконечнаго креста онъ причинитъ Россіи во сто кратъ больше вреда, чѣмъ штуцера и пушки австрійскіе, ибо въ нѣдрахъ Россіи за него могутъ стать пять милліоновъ людей. И какихъ людей! Тѣхъ, у которыхъ въ рукахъ находится значительная часть нашихъ капиталовъ“ [2]).

Но Мельниковъ, какъ мы уже говорили, былъ далекъ отъ мысли признавать политическія стремленія раскола вытекающими изъ самой сущности его. Нѣтъ, они—явленія случайныя, такъ какъ русскіе раскольники, по свойственному русскому человѣку чувству, любятъ свое отечество; явленія, вызываемыя тяжелымъ положеніемъ раскольниковъ въ государствѣ. „Вѣрно тяжело приходилось и приходится Русскимъ

[1]) Ibid. 177 стр.
[2]) ibid. 193 стр.

людямъ, что они, составляя оппозицію ненаціональности, вынуждены на чужія земли возлагать свои надежды [1]).

Насколько справедливы были опасенія упомянутыхъ изслѣдователей? Разсмотримъ сначала мотивы и характеръ политическихъ стремленій старообрядцевъ, поскольку они были понятны для свѣтскихъ чиновниковъ, а потомъ посмотримъ, насколько справедливы были ихъ опасенія съ фактической стороны. Что касается мотивовъ, то они, конечно, почти совершенно были недоступны упомянутымъ изслѣдователямъ. Только Мельниковъ, и то слишкомъ вскользь, замѣчаетъ, что раскольническая оппозиція дѣйствуетъ *во имя вѣры*, какъ и въ старину во имя вѣры народная оппозиція дѣйствовала противъ всякаго рода посягателей на свободу и чистоту православія.

Характеръ политическихъ стремленій раскольниковъ, какъ онъ представляется упомянутымъ изслѣдователямъ, точнѣе всего можно назвать *нигилистическимъ*. Расколъ, какъ политическая сила, не имѣетъ никакой ясно опредѣленной программы. Вся политическая агитація его ограничивается отрицаніемъ и отрицаніемъ. „Въ раскольникахъ, говоритъ Кельсіевъ, мы встрѣчаемъ ту самую безотчетность и недоказанность стремленій, какую видѣли въ остальной русской исторіи. Развѣ разумно ограничиваться одними жалобами и негодованіемъ, не думая въ тоже время о средствахъ помочь бѣдѣ. Расколъ совершенно *народенъ* въ образѣ борьбѣ“ [2]). Идеаломъ для него въ гражданской сферѣ, какъ и въ церковной, является древняя до-Петровская Русь. Но разъ этого идеала, при радикально измѣнившихся условіяхъ, достигнуть невозможно, остается: или примириться съ существующимъ строемъ, или жить съ однѣми химерическими надеждами и отрицаніемъ реальности. А разъ такъ, разъ политическія

---

[1]) Ibid. 195 стр.

[2]) Кельсіевъ. вып. I. VI стр.

стремленія раскольниковъ не имѣютъ положительнаго содержанія, ихъ должна постигнуть общая участь нигилистическихъ ученій, тѣмъ болѣе, если признать за несомнѣнное, что „политическій радикализмъ раскола составляетъ вопіющее противорѣчіе національному характеру раскола“, что „царелюбіе, довѣріе къ царскому правительству составляетъ искони характеристическую черту всего русскаго народа“, и что, слѣдовательно, „оппозиціонное отношеніе къ верховной власти есть истинное *насиліе* національнаго характера“ [1]). Все это вмѣстѣ взятое можетъ служить для насъ доказательствомъ того, что гражданская оппозиція раскола, какъ выродившаяся вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, должна уступить мѣсто вѣрѣ въ царя и правительство, составляющей исконное, необходимое свойство русскаго духа, и это необходимое свойство русскаго національнаго характера уже празднуетъ торжественную побѣду надъ случайно навязаннымъ старообрядчеству безсодержательнымъ нигилизмомъ.

Отъ этихъ общихъ разсужденій перейдемъ къ фактамъ. Извѣстно, что въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ на русское старообрядчество обратили серьезное вниманіе лондонскіе эмигранты: Искандеръ, Огаревъ, Бакунинъ, Кельсіевъ и другіе и, будучи обмануты внѣшнею оболочкою противогосударственныхъ стремленій раскола, задумали при помощи его осуществить въ Россіи свои конституціонныя затѣи. Они завели сношенія съ Бѣлокриницкимъ митрополитомъ, и что же? тотъ самый митрополитъ Кириллъ, котораго такъ боялся Мельниковъ, въ своемъ посланіи къ русскимъ поповцамъ, предостерегалъ ихъ отъ всѣхъ враговъ и измѣнниковъ царя, какъ отъ мятежниковъ и крамольниковъ поляковъ, такъ „наипаче отъ злокозненныхъ безбожниковъ, гнѣздящихся въ Лондонѣ и оттуда своими писаніями возмущав-

[1]) Ливановъ. „Раскольники и острожники“. СПБ. 1869 изд. II т. I стр. XX.

шихъ европейскія державы". „Бѣгайте убо оныхъ трекляхъ... то бо суть предтечи антихриста, тщащіеся безначаліемъ предуготовати путь сыну погибели". Напротивъ, онъ совѣтуетъ своей паствѣ „показать всякое благоразуміе предъ царемъ, въ чемъ не повреждается вѣра и благочестіе" [1]). А инокъ Павелъ Прусскій, тогда еще глава безпоповщинской секты, конституцію называетъ „мечемъ, медомъ помазаннымъ, который уготовляется рано или поздно на закланіе всего міра".

Послѣ двукратныхъ покушеній на Александра II въ 1865 —66гг., старообрядцы, наравнѣ со всѣмъ остальнымъ населеніемъ Россіи, выразили въ вѣрноподданническихъ адресахъ свою любовь къ царю, и *„однимъ почеркомъ пера зачеркнули всю прошлую исторію* (курсивъ автора) вражды противъ царя и правительства, и стряхнувъ съ себя случайно надѣтыя путы, стали на равнѣ со всѣми прочими предъ престоломъ своего русскаго царя" [2]).

Такимъ образомъ, выводы чиновниковъ М. В. Д., основанные на ихъ наблюденіяхъ надъ расколомъ, могутъ быть признаны слишкомъ поспѣшными, а ихъ опасенія грядущей опасности отъ раскола, напрасными. Болѣе основательное знакомство съ расколомъ привело нѣкоторыхъ изъ нихъ къ убѣжденію, что политическія стремленія—*случайныя* явленія въ русскомъ расколѣ, а онъ—явленіе по преимуществу церковно-религіозное, которое хотя и выступаетъ съ оппозиціей правительству, то *во имя вѣры.*

Но послѣдующіе изслѣдователи, не обративъ вниманія на выводы подобнаго рода, пришли къ убѣжденію и утвержденію, что расколъ *по самому существу* своему есть явленіе *гражданско-политической* жизни, и съ этой точки зрѣнія разсматривали и рѣшали старообрядческій вопросъ.

---

[1]) Ibid. XIX—XX стр.
[2]) Ibid. XXI стр.

Разумѣемъ Щапова и его школу съ ея такъ сказать, *соціальнымъ* взглядомъ на старообрядчество. Щаповъ въ 1857 г. на страницахъ Православнаго Собесѣдника напечаталъ свое произведеніе: „О причинахъ происхожденія и распространенія раскола“ [1], въ 1858 г. дополнилъ первое произведеніе и издалъ отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: „Русскій расколъ старообрядчества, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской Церки и гражданственности въ XVII в. и первой половинѣ XVIII в.“, а въ 1861 году выпустилъ въ свѣтъ свое нашумѣвшее въ то время произведеніе: „Земство и расколъ“, выпускъ I, которое осталось незаконченнымъ, такъ какъ автору пришлось отправиться въ Сибирь, гдѣ онъ и умеръ.

Въ первыхъ двухъ своихъ произведеніяхъ Щаповъ еще не отрѣшается всецѣло отъ традиціонной точки зрѣнія, хотя и дѣлаетъ шагъ впередъ. Онъ разсматриваетъ расколъ не только какъ религіозное-церковное, но и какъ исторически бытовое и соціальное явленіе. Главный и первоначальный источникъ раскола, почти при самомъ появленіи принявшаго характеръ не просто церковный, но и церковно-гражданскій, Щаповъ усматриваетъ гораздо глубже, чѣмъ только въ недовольствѣ исправленіемъ книгъ при Никонѣ и гораздо раньше временъ Никона. По своему существу расколъ, по Щапову, явно сложился изъ двухъ началъ: во-первыхъ, изъ начала собственно церковнаго, какъ секта церковно-обрядовая, несогласная съ православною Церковію въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядахъ, а во-вторыхъ, изъ начала гражданданскаго или противогосударственнаго, какъ секта, возставшая противъ новшествъ не только церковныхъ, но и гражданскихъ [2], и представляетъ собою окаменѣлый осколокъ древней Руси, въ которомъ выразилась русская народность XVII в. въ ея отрѣшенности отъ элементовъ иноземной культуры.

[1] „Православный Собесѣдникъ“ 1857 г. № 1—2.
[2] „Русскій расколъ старообрядчества“. стр. 12.

Трудъ Щапова привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе, и по адресу Щапова было написано не мало панегириковъ [1]). Только въ духовной литературѣ новизна точки зрѣнія Щапова осталась не замѣченною. Даже Нильскій, въ первой своей статьѣ [2]), посвященной рѣшенію вопроса о происхожденіи старообрядчества, хотя и касается указаннаго сочиненія Щапова, но критикуетъ не принципы Щапова, а нѣкоторыя частныя положенія его, указываетъ по мѣстамъ противорѣчія въ разсужденіяхъ Щапова, но ни однимъ звукомъ не дѣлаетъ намека на новое рѣшеніе вопроса, какое намѣчается у Щапова.

Среди всеобщихъ панегириковъ, какъ мощный колоколъ, пробудившій Щапова и „протрезвившій“ его, раздалось слово Добролюбова [3]), который съ безпощадной проніей вскрылъ слабыя стороны сочиненія Щапова. Добролюбовъ подмѣтилъ двойственность сужденій автора, скрытое намѣреніе унизить расколъ, постоянныя противорѣчія, отсутствіе объективности и т. д. Напр., расколъ, по своему происхожденію, представляется у Щапова то явленіемъ раціональнымъ и необходимымъ, то чисто безсмысленнымъ и случайнымъ. Сначала, по Щапову, расколъ былъ вызванъ недостатками русскаго общества и разными безпорядками церковнаго и гражданскаго управленія; значитъ, нашлись люди, которые не могли стерпѣть этихъ недостатковъ и отдѣлились отъ Церкви. Но при такомъ естественномъ, историческомъ взглядѣ на расколъ, автору нельзя было бы обличать старообрядцевъ, и Щаповъ, при помощи изворотливости, круто поворачиваетъ въ противоположную сторону и говоритъ, что собственно общество было прекрасно, умно и добродѣтельно, а было въ немъ нѣсколько грубыхъ невѣждъ, лю-

---

[1]) Они указаны въ „Современникѣ“ 1859 г. № 10. стр. 38.

[2]) „Нѣсколько словъ о происхожденіи раскола“. Хр. чт. 1861 г. I т.

[3]) „Что иногда открывается въ либеральныхъ фразахъ“. Современникъ. 1859 г. № 10.

дей нетерпѣливыхъ и необузданныхъ, которые и составили расколъ [1]). Расколъ произошелъ то самъ собою, то, какъ Божій день ясно, что виноваты обстоятельства. Точно также высмѣиваетъ Добролюбовъ и опредѣленіе Щаповымъ демократизма и многое другое. Критикъ устанавливаетъ, что книга Щапова имѣетъ мало положительныхъ достоинствъ: „фактовъ новыхъ въ ней почти нѣтъ, а взгляды его оказываются чрезвычайно смутными, сбивчивыми и даже противорѣчащими другъ другу“ [2]).

Можетъ быть, почтенный критикъ слишкомъ строго судилъ Щапова, но послѣдній обратилъ вниманіе на этотъ судъ, и въ слѣдующемъ произведеніи онъ выступаетъ съ строго опредѣленнымъ взглядомъ на причины происхожденія и сущность раскола старообрядчества.

Въ „Земствѣ и расколѣ“ старообрядцы являются предъ нами уже не невѣжественною толпою, какими изображалъ ихъ Щаповъ раньше, а народною массою критически разумною, полною глубокихъ общественныхъ интересовъ. Расколъ характеризуется не какъ религіозно-церковное явленіе, а какъ „общинная *оппозиція податному земству*, массы народной, противъ всего государственнаго строя, церковнаго и гражданскаго“ [3]), противъ рабства, насилія свободы совѣсти и всѣхъ новыхъ стѣснительныхъ мѣръ, „вѣковымъ отрицаніемъ греко-восточной никоніанской вѣры и Церкви и государства, или имперіи всероссійской съ ея иноземными чинами и установленіями“ [4]).

Правда, отнимая у раскола религіозный характеръ, Щаповъ допускаетъ, что на первыхъ порахъ расколъ въ лицѣ великороссійскихъ московскихъ протопоповъ и поповъ

---

[1]) Ibid. 43 стр.
[2]) Ibid. 52 стр.
[3]) „Земство и расколъ“. вып. I. стр. 28.
[4]) Ibid. стр. 30.

возсталъ противъ греко-кіевскаго исправленія великороссійскихъ книгъ и противъ суроваго патріаршества Никона. Но скоро онъ, оставивъ въ сторонѣ вопросы вѣры, взялъ на себя одно земское дѣло и сталъ его продолжать и развивать помимо дѣло государева [1]). Проникнувъ въ массу земства, расколъ поднятыми вопросами глубоко затронулъ народныхъ грамотниковъ. Начались толки грамотниковъ, и стали появляться толки раскола, комбинируясь и обобщаясь въ согласія. Грамотниковъ этихъ, какъ своихъ народныхъ учителей, съ полной вѣрой слушалъ весь народъ: слушали земскіе люди, гости, купцы и посадскіе люди, крестьяне стрѣльцы и казаки, и всѣ они обращались въ расколъ. И сталъ расколъ, такимъ образомъ, ученіемъ, толкомъ, согласіемъ земскимъ, народнымъ. Щаповъ не указываетъ строго опредѣленнаго времени, когда расколъ получилъ такое новое и притомъ ярко опредѣленное направленіе. У него есть только намеки на то, что расколъ, какъ расколъ земства, какъ разладъ земства противъ правительства, проявился въ народныхъ бунтахъ, ознаменовавшихъ царствованіе Алексѣя Михайловича; затѣмъ, когда бунты были подавлены, нашелъ себѣ новое выраженіе: въ тиши на московскомъ печатномъ дворѣ возникаетъ первый толкъ, первое согласіе раскола, и, вышедши отсюда, беретъ на себя „земское строеніе новыхъ общинъ, согласій, сходовъ, совѣтовъ, соборовъ, по изстариннымъ своенароднымъ началамъ, путемъ новой колонизаціи, путемъ новой религіозной пропаганды.

Что же касается религіозныхъ принциповъ, проповѣдуемыхъ раскольниками, то они (принципы) ни больше ни меньше какъ внѣшняя оболочка раскола, которою онъ прикрываетъ совершенно другія цѣли, не имѣющія никакого отношенія къ вѣрѣ и церкви. Догматы и обряды, защищаемые раскольниками—это только *личина*, подъ которою они скры-

[1]) Ibid. 30 стр.

ваютъ чисто политическія тенденціи. Самое убѣжденіе, будто бы нынѣ уже царствуетъ антихристъ, не имѣетъ для раскола жизненнаго значенія и не представляетъ изъ себя главнаго мотива его жизни и дѣятельности, а есть только апокалипсическая оболочка, подъ которою расколъ скрываетъ свои реальныя практическія, непосредственно жизненныя цѣли, именно, стремленіе къ самостоятельному, независимому земскому устроенію, къ свободному соціальному народоправному самоустройству, саморазвитію и самоуправленію, по реальной идеѣ крестьянскаго міра, мірскаго согласія, мірскаго схода. Въ доказательство своей мысли о положительности, практичности натуры раскольниковъ, Щаповъ указываетъ на то, что такъ называемое Пастухово согласіе напр. учитъ, что нужно ходить по простой землѣ, а не по каменной мостой: „мостовая-де каменная—антихристова выдумка“ [1]).

Сосредоточившись въ массахъ земства, расколъ, по словамъ Щапова, не только не имѣлъ рѣшительно никакихъ религіозныхъ интересовъ, но даже и не могъ взять на себя защиты вѣры, такъ какъ „христіанства въ его подлинномъ, полномъ ученіи, въ греко-восточныхъ преданіяхъ, крестьяне, по большей части не знали, да и знать не могли, во-первыхъ, по своей необразованности и грубости, а во-вторыхъ, потому, что самая большая часть великорусскаго народа была не что иное, какъ крещеная обрусѣлая Чудь, финны; слѣдовательно, эта половина крестьянскаго населенія еще менѣе могла познакомиться съ христіанствомъ по греко-россійскимъ церковнымъ книгамъ; значитъ, и не могла возставать противъ мнимаго поврежденія этихъ книгъ Никономъ [2]).

Такимъ образомъ, расколъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть религіозно-церковнаго характера, а имѣлъ гражданско-

---

[1]) Ibid. 47 стр.
[2]) Ibid. 38 стр.

демократическій. Для доказательства гражданскаго демократизма раскола, Щаповъ указываетъ на бунтъ Разина, Соловецкое возстаніе и стрѣлецкіе бунты. „Бунтъ Стеньки Разина былъ уже вмѣстѣ съ бунтомъ раскола, первымъ явнымъ народнымъ движеніемъ его, такъ какъ донское казачество тогда уже обратилось въ раскольническую общину и возводило даже свои казачьи рады и круги до религіозной санкціи въ образѣ религіозныхъ радъ или радѣній и святыхъ круговъ“ [1]). Соловецкое возстаніе было раскольническимъ протестомъ, въ которомъ выразился антагонизмъ Поморья противъ Москвы [2]). Стрѣльцы, наконецъ, подобно казакамъ, возставали подъ знаменемъ раскола, во имя равенства, противъ князей, бояръ и начальниковъ [3]). Однимъ словомъ, расколъ все недовольство народное, все горе злосчастье, всѣ элементы бунтовъ народныхъ возвелъ въ вѣковой народный заговоръ, въ согласія, въ доктрину. Духъ Разина, духъ стрѣльцовъ воплотился въ живую, неумирающую вѣковую оппозицію раскола [4]).

„Взглядъ Щапова, явившійся весьма кстати въ эпоху правительственныхъ мѣропріятій и литературныхъ толковъ относительно земства, нашелъ себѣ не мало сторонниковъ среди свѣтскихъ писателей о расколѣ“ [5]).

Первымъ по стопамъ Щапова пошелъ его ученикъ Н. Я. Аристовъ. „Расколъ, говоритъ онъ въ своей статьѣ: „Устройство раскольническихъ общинъ“ [6]), составляетъ протестъ противъ иноземныхъ нововведеній, особенно тѣхъ, которые явились стѣсненіемъ свободно развивавшейся жизни и нисколько не гармонировали съ духомъ народа... Чѣмъ больше да-

---

[1]) Ibid. 47 стр.
[2]) Ibid. 49 стр.
[3]) Ibid. 52—54 стр.
[4]) Ibid. 58 стр.
[5]) Громогласовъ. Богос. Вѣстникъ 1895 г. № 4. стр. 43.
[6]) „Библіотека для чтенія“ 1863 г. № 7.

вали свободы и льготъ раскольникамъ, тѣмъ усерднѣе занимались они внутреннимъ устройствомъ своихъ общинъ, тѣмъ болѣе стихала и вражда ихъ противъ государства". Въ подтвержденіе своей мысли авторъ останавливается на организаціи Выговской общины и старается съ своей точки зрѣнія охарактеризовать тѣ общинныя начала, которыя лежали въ ея основѣ. Въ характеристикѣ этой не мало преувеличеній, но все же авторъ не позволяетъ себѣ произвольно обращаться съ фактами и дѣлать рискованные выводы.

Точку зрѣнія Щапова раздѣлялъ Фармаковскій на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ" [1]).

До крайности взглядъ Щапова былъ развитъ Андреевымъ въ его сочиненіи: „Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи" [2]). Во введеніи къ этому сочиненію Андреевъ прямо заявляетъ, что „расколъ можетъ быть изучаемъ *только съ земской точки зрѣнія*, въ связи съ главными событіями народной исторіи" [3]). Религіозная сторона не имѣла самостоятельнаго значенія съ самаго начала и тѣмъ болѣе не имѣетъ его впослѣдствіи, потому что религіозный элементъ это—только внѣшній предлогъ, только болѣе понятный для толпы. Расколъ, говоритъ Андреевъ, — это историческое явленіе, вовсе не объяснимое одними религіозными побужденіями. Онъ вытекаетъ изъ коренного переворота, который пережила Россія въ половинѣ XVII в. Окончательное объединеніе Россіи въ гражданскомъ и церковно-административныхъ отношеніяхъ, не ладившее съ мѣстными особенностями и порядками, еще сильно державшимися на окраинахъ государства, и въ особенности въ Новгородскомъ сѣверѣ, вмѣстѣ съ полною отмѣною земскихъ правъ, завершенное окон-

---

[1]) „О противогосударственномъ элементѣ въ расколѣ" Отеч. Записки 1866 г. № 12.

[2]) СПВ. 1870 г.

[3]) Ibid. стр. III.

чательнымъ закрѣпощеніемъ крестьянъ—вотъ гдѣ надо видѣть источникъ раскола [1]).

„Что было прежде особенностью“ страны въ какомъ бы то ни было отношеніи, то теперь, съ проведеніемъ централизаціи, ставится отступленіемъ отъ нормы. Мѣстное отличіе теперь мало по малу превращается въ расколъ.

Впрочемъ, кромѣ этихъ причинъ, послужившихъ основаніемъ для возникновенія раскола, Андреевъ находитъ и другія причины, правда вытекающія изъ вышеуказанныхъ причинъ. Къ числу этихъ послѣднихъ авторъ относитъ устраненіе прихода отъ выбора священника, назначавшагося впослѣдствіи правительствомъ и ставшаго изъ выборнаго—назначеннымъ; устраненіе крѣпостныхъ людей отъ священства со временъ Никона, давшее возможность даровитымъ изъ крѣпостныхъ становиться во главѣ раскола; вмѣшательство гражданской и церковной власти въ частныя и семейныя дѣла, рѣзко противорѣчившее прежнимъ правамъ земства и впослѣдствіи найденное самой администраціей излишнимъ [2]).

Оставаясь оппозиціонно-настроеннымъ противъ правительства по вопросамъ внутренней политики, расколъ никогда не былъ политически опасенъ Россіи [3]) въ ея отношеніяхъ къ иноземнымъ державамъ. Въ этомъ существенное отличіе сужденій Андреева отъ сужденій чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Что же касается историческаго развитія раскола, то и въ немъ, по мысли Андреева, расколъ явился протестомъ противъ способа введенія новыхъ порядковъ безъ согласія земства, протестомъ вообще противъ слабыхъ сторонъ въ порядкѣ государственнаго управленія, принимающимъ то *церковный* оттѣнокъ въ періодъ религіозныхъ гоненій (до Петра I),

---

[1]) Ibid. стр. 10.
[2]) Ibid. стр. 10—11.
[3]) Ibid. VI стр.

то *политическій*,—при гражданскихъ преслѣдованіяхъ раскольниковъ (отъ Петра Великаго до Екатерины II,) то *соціально-экономическій*, при Екатеринѣ II, „по прекращеніи гоненій, но при ненормальномъ соціальномъ положеніи народа и благодаря осваюшемуся крѣпостному праву“ [1]).

Такимъ образомъ, сводя къ одному взгляды на расколъ Щапова и его школы, мы можемъ кратко формулировать его такимъ образомъ. Русскій расколъ по своему происхожденію и существу не можетъ быть признанъ явленіемъ церковно-религіознымъ и не можетъ быть объясненъ изъ принциповъ религіознаго характера, такъ какъ религія въ дѣйствительности служила лишь маскою гражданско-политическихъ идей раскола, но онъ есть явленіе исключительно гражданское—именно, онъ представляетъ собою оппозицію податного земства противъ государственнаго строя, какъ церковнаго, такъ и гражданскаго.

Мнѣніе означенныхъ ученыхъ не находитъ для себя никакихъ основаній въ старообрядческой литературѣ, которая одна только и проливаетъ свѣтъ на вопросы: чѣмъ живетъ расколъ, и что онъ думаетъ о себѣ.

Если бы эти изслѣдователи тщательно проанализировали всѣ извѣстные, какъ печатные, такъ и рукописные памятники старообрядческой письменности, начиная съ писемъ, челобитныхъ и трактатовъ первыхъ расколоучителей и кончая постановленіями соборовъ и перепискою раскольническихъ дѣятелей позднѣйшаго времени, то не могли бы тогда не замѣтить, что бытовыя и общественныя стремленія, проявившіеся въ расколѣ значительно позже его перваго обнаруженія, являются второстепенными факторами появленія и распространенія раскола.

Какъ извѣстно, раскольники никогда не мирились и не мирятся съ оффиціальнымъ названіемъ ихъ „раскольники“. Они охотнѣе зовутъ себя „старовѣрами“, „старообрядцами“,

[1]) Ibid.

и въ вѣрности старой вѣрѣ и древнему благочестію полагаютъ весь идеалъ своей церковной жизни и сущность своей доктрины. Источникомъ же старой вѣры они считаютъ церковныя книги, напечатанныя при пяти первыхъ патріархахъ, которыя санкціонируютъ дорогіе и святые для нихъ обряды и опредѣляютъ весь строй ихъ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Своеобразная доктрина, заключенная въ эти книги, и составляетъ сущность раскола, съ нею и выступили расколоучители. Составивши себѣ то ложное мнѣніе, что православные со времени Никона патріарха потеряли истинную вѣру и уклонились въ разнаго рода ереси, усвоивъ себѣ обычаи „латинскіе, нѣмецкіе и даже татарскіе“ [1]), расколоучители объявили себя рѣшительно противъ Никоновскихъ нововведеній. „Знакомые сколько нибудь съ сочиненіями расколоучителей, говоритъ Елеонскій, не могутъ не сознаться, что не за бѣдствія народа, не противъ московской централизаціи они ратуютъ, а дѣйствительно, противъ Никоновскихъ новшествъ“ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, если мы прочитаемъ любое изъ раскольническихъ сочиненій второй половины XVII в., то увидимъ, что въ нихъ раскольники говорятъ только о Никоновыхъ новшествахъ; отъ нихъ предостерегаютъ своихъ читателей, изъ-за нихъ призываютъ ихъ къ страданію. „Здѣсь мы ничего больше не найдемъ, кромѣ горькихъ смутныхъ жалобъ на то, что Никонъ повредилъ древнюю, правую вѣру, что русская церковь впала въ ереси; что принадлежать къ ней, значить—подвергать опасности вѣчное спасеніе, что всякій, кто дорожитъ царствомъ небеснымъ, долженъ оставить церковь и ея послѣдователей, бѣжать въ пустыни, и тамъ устроять свое спасеніе, а въ случаѣ преслѣдованій со стороны еретиковъ, даже сожигаться“ [3]).

[1]) Изъ 5 Соловец. челоб. Матер. III. 248 стр.

[2]) Елеонскій. „Состояніе русскаго раскола при Петрѣ I“. Христ. Чтеніе 1863 г. III ч. стр. 39.

[3]) Нильскій. „Нѣсколько словъ о русскомъ расколѣ“. Христ. Чт. 1864. № 5. стр. 54.

Раскольники дѣйствительно бѣжали изъ обществъ, даже сожигались, но не потому, что это вытекало изъ какихъ то противогосударственныхъ или противонравственныхъ принциповъ, а потому, что настало уже царство антихриста и скоро будетъ второе пришествіе Христово.

Появленіе во множествѣ всякаго рода челобитныхъ, а особенно тонъ и содержаніе ихъ свидѣтельствуютъ не въ пользу Щапова. Появленіе челобитныхъ можетъ свидѣтельствовать о томъ, что старообрядцы въ принципѣ не были противниками царя и гражданскаго правительства, напротивъ, въ своихъ челобитныхъ они просятъ царской помощи и заступленія. Тонъ челобитныхъ въ высшей степени почтительный къ царю. Что же касается содержанія челобитныхъ, то въ нихъ раскольники просятъ не о себѣ, а о Церкви, „докучаютъ“ царю только о церковномъ дѣлѣ, „чтобы благочестію въ поруганіи не быть“. „Во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ первыхъ расколоучителей, говоритъ Харлампичъ, не заключается „ни одного слова противъ жизни государственной, ни одного намека на тяжесть соціальнаго строя, ни одного вздоха о порядкахъ экономическихъ“. „Напротивъ, они заявляли, что у нихъ нѣтъ никакихъ другихъ мотивовъ, кромѣ религіозныхъ“ [1]). Напр. Аввакумъ, обращаясь мысленно къ царю, писалъ: „Вѣдь мы у тебя не отнимаемъ здѣсь царства—тово, ниже иныхъ возмущаемъ на тебя; но за вѣру свою стоимъ, боля о законѣ своемъ, преданнѣмъ отъ св. отецъ“ [2]). Можно было бы въ подтвержденіе этой мысли привести не мало примѣровъ изъ письменности первыхъ временъ раскола.

Что же касается фактовъ, на которые ссылается Щаповъ въ подтвержденіе своей теоріи, то и они, какъ показали

---

[1]) „О сущности русскаго раскола.“ Учен. Зап. Импер. Каз. Унив 1900 г. № 12. стр. 145.

[2]) Ibid. 145 стр. (изъ Матер. VIII т., 45—46 стр.).

позднѣйшіе изслѣдователи и какъ ясно изъ раскольнической письменности, имѣютъ совершенно иной смыслъ.

Въ бунтѣ Стеньки Разина не было ничего раскольническаго. Въ немъ выразилось лишь недольство обнищалаго и озлобленнаго бѣглаго народа противъ боярства, да и раскола, какъ отдѣленнаго отъ Церкви и государства общества, еще тогда не существовало. Точно также и Соловецкій бунтъ ничего не говоритъ въ пользу мнѣнія о гражданскомъ демократизмѣ раскольниковъ. Внѣ всякаго сомнѣнія то, что Соловецкій бунтъ не былъ преднамѣреннымъ возстаніемъ противъ законной власти, а былъ слѣдствіемъ отказа большинства соловецкихъ монаховъ ввести въ употребленіе новоисправленныя книги, вытекалъ главнымъ образомъ изъ нѣсколько извращенныхъ предпосылокъ религіознаго характера. Это ясно изъ Соловецкой челобитной: „Не вели, государь, у насъ преданія и чину преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія перемѣнить; повели, государь, намъ быти въ той же нашей старой вѣрѣ, въ которой отецъ твой государевъ и всѣ благовѣрные цари и великіе князья и отцы наши скончались“. Челобитчики просятъ не перемѣнять книгъ, въ противномъ случаѣ лучше—мечъ царскій, который можетъ переселить ихъ въ „оное безмятежное и вѣчное житіе“. „А мы тебѣ, великому государю, не противны; ей, государь, отъ всея души у тебя, великаго государя, милости о семъ просимъ и всѣ съ покаяніемъ и съ воспріятіемъ на себя великаго ангельскаго чину на той смертный часъ готовы“ [1]). Даже послѣ соловецкаго бунта, участники его—раскольники заявляли, что они „не самодержцу противились, но за отеческое благочестіе и за святую обитель мужествовали“. Если же монастырь и открылъ стрѣльбу по царскимъ войскамъ и отвергъ моленіе за царя, то потому, что „побоялъ за благочестія“, а главное, потому, что незадолго предъ воз-

[1]) Матер. т. III. стр. 210—11 (изъ Четвертой челобитной).

мущеніемъ монастырь былъ переполненъ людьми, совершенно не призванными къ монашеской жизни, людьми, которые убѣжище пустынниковъ превратили въ шумный городъ со всѣми недостатками мірской жизни“ [1]). Среди нихъ, какъ потомъ обнаружилось, были казаки изъ-подъ знаменъ Стеньки Разина [2]).

Что же касается стрѣлецкаго бунта, то бунтъ, начавшійся 15 мая, никакого отношенія къ расколу не имѣетъ. Второй же бунтъ, окончившійся соборомъ въ Грановитой Палатѣ, дѣйствительно былъ бунтомъ раскола. Но чего добивались стрѣльцы-раскольники? Всѣ стремленія ихъ были направлены къ одному—именно, къ возстановленію въ Москвѣ и во всемъ государствѣ старой вѣры [3]).

Впрочемъ, Щаповъ и его послѣдователи, лишая раскольническія движенія религіознаго элемента, склонны признать, что на первыхъ порахъ расколъ въ лицѣ великороссійскихъ московскихъ протопоповъ и поповъ возсталъ противъ грекокіевскаго исправленія книгъ и деспотизма Никона, и только со времени Петра I принялъ исключительно гражданско-политическое направленіе. Но если мы обратимся къ раскольническимъ сочиненіямъ того времени, то увидимъ, что въ нихъ нѣтъ ничего другого, кромѣ указаній на нововведенія, странности и противорѣчія въ новыхъ книгахъ и въ образѣ дѣйствій православной Церкви, которыя смущали совѣсть старообрядцевъ. Точно также и то, что старообрядцы въ Петрѣ I усматривали антихриста, имѣетъ совершенно не тотъ смыслъ, какой хочетъ придать ему Щаповъ и его школа,

---

[1]) Сырцовъ. „Возмущеніе Соловецкихъ монаховъ—старообрядцевъ въ XVII в.“ Казань 1880 г. 418 стр.

[2]) „Не монахами и не простыми послушниками со слугами и сторожами“ произведено было возстаніе, „а злодѣями отечества, Астраханскими разбойниками, Стенькиными сообщниками“. Журавлевъ. „Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ“ М. 1890 г. ч. I стр. 60.

[3]) Нильскій. Хр. Чт. 1664 г. № 8 стр. 421.

видѣвшіе въ мнѣніи о Петрѣ, какъ антихристѣ, лишь пустую оболочку, подъ которой скрываются цѣли чисто житейскія, практическія. Старообрядческая письменность того времени ясно свидѣтельствуетъ намъ, что старообрядцы, смотря на дѣла великаго Петра, которыми онъ хотѣлъ совершенно пересоздать Русь, начиная съ самой власти церковной и кончая послѣднимъ гражданиномъ, приходили къ убѣжденію, что настали послѣднія времена, и царь Петръ—не царь, а антихристъ, и съ этой своей *чисто религіозной* точки зрѣнія оцѣнивали и реформу его во всѣхъ ея деталяхъ.

Такимъ образомъ, гражданскій протестъ если и былъ, то совершался „ради вѣры“. Содержаніе же этого протеста нами достаточно выяснено, когда мы касались взгляда Мельникова.

Не выдерживаютъ критики также и другія положенія Щапова, какъ съ формальной, такъ и фактической стороны, какъ это справедливо разъяснилъ проф. Никольскій, указавшій въ своей статьѣ: „Нѣсколько словъ о русскомъ расколѣ“ [1]), на то, что взглядъ Щапова не удовлетворяетъ исторической правдѣ по существу, а также и на то, что онъ недостаточно обоснованъ и въ деталяхъ.

Мнѣніе Щапова и его школы, такимъ образомъ, не можетъ быть принято нами, такъ какъ противъ него и безпристрастныя указанія исторіи, и здравая логика и раскольническая письменность.

Важное историческое значеніе за трудомъ Щапова и трудами его послѣдователей мы усматриваемъ въ томъ, что ими былъ поднятъ важный вопросъ о томъ, что такое расколъ съ гражданско-политической точки зрѣнія; но затронувъ вопросъ, они въ рѣшеніи его обнаружили тенденціозное пониманіе существа дѣла, и потому взглядъ ихъ не можетъ удовлетворить безпристрастныхъ изслѣдователей, какъ не

---

[1]) Христ. Чтеніе. 1864. № 5—8.

можетъ онъ удовлетворить и старообрядцевъ въ силу того, что въ ихъ изображеніи старообрядчество получило совершенно новую обрисовку, созданную неправильнымъ направленіемъ вопроса и тенденціознымъ рѣшеніемъ его. Возбужденный же ими вопросъ удовлетворительно рѣшили другіе въ томъ смыслѣ, что въ старообрядчествѣ главное—религія. Съ точки зрѣнія религіи оно измѣряетъ всѣ другія отношенія.

Ослабѣвшій было въ 70-хъ годахъ интересъ къ изученію раскола въ свѣтской литературѣ, возникаетъ съ новой силой въ началѣ 80-хъ годовъ, когда на очереди стоялъ вопросъ о дарованіи правъ раскольникамъ. Въ это время нарождается новый взглядъ на расколъ, какъ явленіе въ высшей степени свѣтлое въ русской исторіи, причемъ онъ разсматривается преимущественно съ *интеллектуальной* стороны.

Но разсматривая расколъ съ указанной стороны, сторонники новаго движенія являются не учеными въ строгомъ смыслѣ, а скорѣе публицистами, и обсужденіе вопроса о расколѣ въ ихъ трудахъ носитъ почти исключительно публицистическій характеръ, не раскрывая новыхъ фактовъ, а освѣщая прежде извѣстные съ какой нибудь одной точки зрѣнія. При такомъ отношеніи къ вопросу трудно было избѣжать преувеличеній и извѣстной доли идеализаціи раскола, что и замѣтно на трудахъ изслѣдователей даннаго времени.

Мы остановимся на мнѣніяхъ Костомарова, Юзова и Пругавина, какъ наиболѣе характерныхъ и интересныхъ по своей оригинальности, а также и потому, что они отражаются и въ современной публицистикѣ.

Костомаровъ [1]), подъ вліяніемъ „Хронологическаго ядра старообрядческой церкви“ Павла Любопытнаго, перечисляюща-

[1]) „Исторія раскола у раскольниковъ“. Вѣст. Евр. 1871 г. № 4. Въ собраніи сочиненій т. XII. (цитація по послѣднему).

го нѣсколько сотъ произведеній старообрядческой письменности, считаетъ расколъ крупнымъ явленіемъ народнаго умственнаго прогресса, когда народъ въ массѣ „безъ руководства и побужденія со стороны власти или лицъ, стоящихъ на степени высшей по образованію, показалъ своеобразную дѣятельность въ области мысли и убѣжденія“ [1]). Это обнаружилось въ томъ, что расколъ выступилъ на защиту того, „чему прежде вѣрили, не размышляя“, и для того, чтобы быть защитникомъ, ему пришлось много подумать, многому научиться. „Расколъ расшевелилъ спавшій мозгъ русскаго человѣка“ [2]). Раньше, хотя и задѣвали русскихъ людей, но они дѣйствовали безъ предварительной головной работы. Появились въ Москвѣ поляки, затрагивающіе вѣру—нужно было только прогнать ихъ, такъ какъ они затронули вѣру, которая стала для русскихъ обычаемъ, и русскіе прогнали ихъ. Но разъ обычай былъ затронутъ *своими* же русскими, его защитникамъ пришлось иначе, чѣмъ прежде, защищать его, не силою, какъ прежде, а иными средствами, которыя было необходимо найти: пришлось разсуждать и искать знаній.

Что же касается вопроса о происхожденіи раскола, то Костомаровъ рѣшаетъ его съ точки зрѣнія естественныхъ причинъ, не оставляя безъ вниманія и причинъ случайныхъ. Почва для раскола была подготовлена значительно раньше обнаруженія его. Къ числу причинъ естественныхъ Костомаровъ относитъ: неподготовленность русскихъ къ принятію христіанства, низкій уровень религіозно-нравственнаго просвѣщенія, низкій уровень народной нравственности, религіозную эксплоатацію и упадокъ семейной жизни. Въ результатѣ всего этого получился религіозный индифферентизмъ, при которомъ трудно было, повидимому, возникнуть ересямъ. Но разъ принялись за исправленіе книгъ, разъ яви-

---

[1]) „Истор. монографіи и изслѣдованія“ т. XII. 347 стр.
[2]) Ibid. 348 стр.

лась какая бы то ни было новизна въ области религіи,—этому должны были воспротивиться люди старины, люди рутины, люди буквы, Аввакумы, Лазари, Капитоны, люди горячіе, появленіе коихъ неизбѣжно во всякомъ обществѣ, во всякихъ его формахъ. Ихъ сопротивленіе новшествамъ шло и развивалось медленно, такъ какъ большинство русскаго народа отнеслось къ этому дѣлу съ обычнымъ предковскимъ равнодушіемъ. Тогда выступаютъ на сцену причины *случайныя*. Дѣлу раскола помогло тогда 1) существовавшее въ духовенствѣ раздраженіе противъ своей же духовной власти и 2) существовавшее тогда въ народѣ недовольство управленіемъ и вообще тогдашнимъ порядкомъ вещей, которое предъ тѣмъ не разъ уже проявлялось открытыми возмущеніями. Удаленіе реформатора со сцены дало возможность усилиться этому недовольству. Никонъ своими реформами, говоритъ Костомаровъ, „возмутилъ, такъ сказать, стоячую воду стариннаго русскаго индиферентизма“ [1])—и произошелъ расколъ, который, по ходячему мнѣнію, представляется старой Русью; на самомъ же дѣлѣ, это—новая Русь, Русь свѣтлая, ищущая смысла въ томъ, что она признаетъ за святое, во что вѣруетъ. „Русскій мужикъ [2]) въ расколѣ получалъ своего рода образованіе, выработалъ своего рода культуру...; кругозоръ его раширился настолько, насколько могло содѣйствовать чтеніе священнаго писанія и разныхъ духовныхъ сочиненій, или даже слушаніе толковъ объ этихъ предметахъ“. „Сфера церковная была для раскольниковъ умственною гимнастикою; они получали въ ней подготовку къ тому, чтобы имѣть возможность удачно обратиться и къ другимъ сферамъ“ [3]) Если же въ своихъ разсужденіяхъ они иногда доходятъ до нелѣпостей, то это вина не ихъ: „раскольникъ

---

[1]) Ibid. 384 стр.
[2]) Ibid. 381 стр.
[3]) Ibid. 382.

былъ лишенъ всякаго образовательнаго руководства"; онъ долженъ былъ самостоятельно расчищать себѣ путь къ самообразованію, и достигалъ своего.

Идеализируя расколъ, Костомаровъ указываетъ на весьма привлекательныя качества раскольниковъ. Впрочемъ, Костомаровъ, какъ ни странно слышать изъ его устъ послѣ такихъ панегириковъ старообрядчеству, видѣлъ единственное средство къ искорененію раскола ни въ чемъ иномъ, какъ только въ просвѣщеніи. „При столкновеніи съ наукою, расколъ тотчасъ оказывается несостоятельнымъ" [1]).

Юзовъ [2]) и Пругавинъ [3]) идутъ еще дальше въ возвеличеніи и идеализаціи старообрядчества.

Но Юзову, умственныя и нравственныя особенности нашего народа проявились по преимуществу въ расколѣ, который возсталъ противъ регресса въ умственной и нравственной жизни, какой царилъ на Руси со временъ татарщины, когда „христіанскія начала задавливались татарскими, національныя особенности не принимались во вниманіе", тѣмъ болѣе, что управляющіе слои не имѣли даже понятія о характерѣ и міросозерцаніи того народа, надъ которымъ они господствовали. Но выступая противъ регресса, расколъ идеаломъ для себя ставитъ лучшее старое, отрицательно относясь ко всему новому, потому что новое было латинство. Юзовъ старается очертить все то, что сдѣлано расколомъ въ борьбѣ съ указаннымъ регрессомъ и какихъ результатовъ онъ достигъ, и эта характеристика раскола съ указанныхъ точекъ зрѣнія можетъ быть по справедливости названа панегирикомъ расколу. Даже все то, что служитъ вѣчнымъ укоромъ старообрядчеству, напр. разрушеніе нѣкоторыми

---

[1]) Ibid. 385.

[2]) „Русскіе диссиденты". СПБ. 1881.

[3]) „Значеніе сектантства въ русской народной жизни" „Русская Мысль"... 1881 г. № 1—2. Отдѣльно подъ заглавіемъ: „Расколъ и сектантство въ русской народной жизни". Москва, 1905 г.

толками его семьи, понимается Юзовымъ такъ, какъ будто раскольники свои понятія о семейномъ долгѣ и счастьѣ заимствуютъ изъ своихъ бытовыхъ началъ и руководятся чувствомъ свободы и независимости, которому даютъ просторъ прежнія древне-славянскія формы заключенія браковъ; самой же семьи они будто бы не отрицаютъ.

Если посмотрѣть на источники, на которыхъ базируется Юзовъ, та намъ понятна будетъ основная точка зрѣнія Юзова. Авторитетами для него являются Щаповъ и его школа, мудрствованія коихъ онъ разбавляетъ своимъ либерализмомъ и своими поспѣшными обобщеніями.

Въ свое время книга Юзова вызвала весьма благопріятные для нея отзывы. Такъ одинъ критикъ [1]) привѣтствуетъ появленіе этой книги въ особенности потому, что у насъ нѣтъ „цѣльной, правдивой картины раскола, какъ въ его настоящемъ состояніи, такъ и въ его причинахъ“ [2]). Тотъ же критикъ приписываетъ Юзову роль, такъ сказать, очистителя зерна отъ плевелъ въ такомъ вопросѣ, гдѣ авторы,—вольно или невольно,—давали больше плевелъ, чѣмъ зеренъ“ [3]), роль систематизатора „всѣхъ разобранныхъ крупицъ въ яркую картину, переносящую васъ въ самую суть дѣла“. Вообще авторъ превозноситъ книгу Юзова, хотя въ концѣ позволяетъ себѣ не соглашаться съ нѣкоторыми положеніями автора.

Пругавинъ, какъ онъ самъ сознается [4]), подъ словомъ расколъ разумѣетъ совокупность всѣхъ вообще религіозно-бытовыхъ протестовъ и разномыслій русскаго народа, не только расколъ старообрядчества, но также всѣ тѣ секты,

---

[1]) „Что такое расколъ“. Статья № № въ журналѣ „Мысль“. 1881 г. № 2. стр. 315.

[2]) Ibid. 316 стр.

[3]) Ibid. 316 стр.

[4]) „Расколъ и сектантство въ русской народной жизни“, Москва. 1905 г. 8—9 стр.

которыя обыкновенно выдѣляются нашими духовными писателями изъ понятія о расколѣ. А разъ такъ, значитъ, Пругавинъ можетъ смѣшивать старообрядчество съ сектантствомъ, перенося на первое нѣкоторыя качества послѣдняго.

Расколъ, въ его существѣ, Пругавинъ опредѣляетъ какъ цѣлый религіозно-бытовой культъ, выработанный и созданный историческимъ процессомъ русской народной жизни. Только крайняя чувственная близорукость можетъ утверждать, что наше современное сектанство представляетъ собою явленіе исключительно религіозное, чуждое всякихъ общественныхъ и бытовыхъ мотивовъ и стремленій. Мы не будемъ повторять тѣхъ превозношеній раскола, такъ какъ для этого пришлось бы переписать едва-ли не всю его книгу, между тѣмъ, какъ новаго *по существу*, въ сравненіи съ разобранными нами изслѣдователями, онъ ничего не представляетъ.

Такимъ же точно характеромъ отличается только что вышедшее сочиненіе г-жи Ясевичъ-Бородаевской: „Борьба за вѣру“, въ которомъ посвящено не мало страницъ восхваленію старообрядчества, при чемъ односторонность взгляда автора бросается въ глаза съ первыхъ же страницъ этого сочиненія.

Если скомбинировать указанныя воззрѣнія во едино, то можно составить взглядъ на старообрядчество, по которому расколъ и по происхожденію и по существу есть явленіе исключительно, или, по преимуществу, гражданское, объясняемое или изъ національно-политическихъ или соціально-экономическихъ условій, но никакъ не изъ религіозныхъ интересовъ, которые въ дѣйствительности служатъ только маскою гражданскихъ идей и чувствъ. Оцѣнивая расколъ съ этой точки зрѣнія, взглядъ этотъ признаетъ, что расколъ былъ благотворенъ для Россіи въ прошломъ и обѣщаетъ много въ будущемъ.

Взгляда въ такой именно постановкѣ по существу мы уже касались. Теперь скажемъ только, что изслѣдованія означенныхъ писателей отличаются крайнею поверхностностью кругозора, поспѣшностью выводовъ и обобщеній, скудостью матеріала, отсутствіемъ новыхъ данныхъ, въ большинствѣ случаевъ (напр. Юзова и Пругавина) незнакомствомъ съ старообрядческою письменностью, рабскимъ преклоненіемъ предъ избраннымъ авторитетомъ (напр. преклоненіе Юзова и Пругавина предъ Щаповымъ и его школой, Ясевичъ-Бородаевской — предъ Толстымъ), смѣшеніе раскола съ сектантствомъ (особенно у Пругавина и отчасти у Ясевичъ-Бородаевской). Игнорированіе внутреннею исторіею старообрядчества дѣлаетъ это воззрѣніе несостоятельнымъ въ объясненіи дробленія раскола на отдѣльные толки и внутреннихъ споровъ въ расколѣ.

Положительная заслуга новаго взгляда на расколъ заключается въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе на цѣнное въ расколѣ, на то, что можетъ привлекать къ расколу симпатіи православныхъ. Этотъ взглядъ, надо полагать, лежитъ въ основѣ и современныхъ свѣтскихъ литературныхъ толковъ о расколѣ и нашелъ себѣ выраженіе въ рѣчахъ народныхъ представителей въ Государственй Думѣ.

Заслугу предъ русскою наукою этого взгляда, хотя и косвенную, можно усматривать еще и въ томъ, что это воззрѣніе, „заставивъ представителей науки исторической и спеціальной о расколѣ тщательнѣе проанализировать всѣ памятники старообрядческой письменности и письменности, имѣющей отношеніе къ происхожденію раскола, укрѣпило изслѣдователей въ старомъ взглядѣ на старообрядчество, какъ явленіе церковное, религіознаго характера, не чуждое однако бытовыхъ и общественныхъ мотивовъ и стремленій, которые являются не только не главными, но и не первоначальными факторами появленія и распространенія раско-

ла“ [1]). Къ этой точкѣ зрѣнія, видными представителями коей можно признать проф. П. С. Смирнова [2]), Субботина [3]), Ивановскаго [4]), Громогласова [5]), Голубинскаго [6]) и Каптерева [7]) (хотя въ выясненіи вопроса о причинахъ какъ историческихъ, такъ и случайныхъ онъ выдвигаетъ новые факторы), примыкаютъ и свѣтскіе писатели: Пыпинъ [8]), Милюковъ [9]), Бороздинъ [10]), Ключевскій [11]), Багалѣй [12]) и др.

Этотъ взглядъ, какъ соотвѣтствующій самому названію предмета и взгляду раскольниковъ на самихъ себя, такъ и оправдываемый всей литературой и исторіей старообрядчества, и долженъ быть признанъ единственно правильнымъ.

Съ точки зрѣнія этого взгляда, какъ замѣчаетъ проф. П. С. Смирновъ [13]), вопросъ о происхожденіи старообрядчества, не смотря на всю его сложность, можетъ быть поставленъ на твердую для себя почву. Для этого изслѣдователю нужно обратиться къ памятникамъ раскольнической

---

[1]) Харламповичъ. Цитир. статья, стр. 143.

[2]) „Исторія русскаго раскола старообрядства“. изд. II, СПБ 1895 г. стр. 1—5. „Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в.“. СПБ. 1898. Введеніе.

[3]) „О сущности и значеніи раскола въ Россіи“. СПБ. 1888 г. 11—12 стр.

[4]) „Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола“ ч. I. Казань 1910 г. изд. 8. 9—10 стр.

[5]) „О сущности и причинахъ русскаго раскола старообрядства“ Бог. Вѣст. 1895 г. № 4. стр. 48, № 5 стр. 267.

[6]) „Къ нашей полемикѣ со старообрядцами“. Бог. Вѣст. 1892 г. № 1—2.

[7]) Патр. Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ т. I—II. Сергіевъ Посадъ 1909—1912 г.

[8]) „Исправленіе книгъ и начало раскола“. В. Евр. 1894 г. № 9.

[9]) „Очерки по исторіи русской культуры“. ч. III.

[10]) „Протопопъ Аввакумъ“.

[11]) „Курсъ русской исторіи“ ч. III, М. 1908 г. Лекція LIV—LV.

[12]) „Русская исторія“. ч. II в., I. стр. 300—301.

[13]) „Литература исторіи раскола въ XIX столѣтіи“. Хр. Чт. 1901 г. № 1 стр. 57.

письменности временъ появленія раскола. Въ нихъ онъ найдетъ указаніе, что вопросъ нужно разсматривать съ двухъ сторонъ: съ точки зрѣнія причинъ *естественныхъ, историческихъ*, и съ точки зрѣнія *случайныхъ обстоятельствъ* возникновенія раскола. Такой постановки вопроса мы и будемъ держаться при изложеніи исторіи раскола старообрядчества.

Что касается причинъ историческихъ, то изъ нихъ мы отмѣтимъ: 1) обрядовѣріе нашихъ предковъ, какъ результатъ отсутствія у насъ на Руси просвѣщенія; 2) самомнѣніе русскихъ людей, въ силу котораго русскіе только свою вѣру признавали правильною, и 3) эсхатологическія чаянія русскихъ, въ которыхъ расколъ сразу же нашелъ для себя надежную опору.

Что касается причинъ случайныхъ, то изъ нихъ мы отмѣтимъ: 1) характеръ и направленіе исправленія книгъ и обрядовъ при Никонѣ, 2) характеръ самого Никона; 3) обстоятельства чисто случайнаго характера.

По вопросу о *сущности* раскола указанное воззрѣніе стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что расколъ есть явленіе чисто церковно-религіозное, вызванное къ бытію обстоятельствами церковно-религіознаго характера, живущее по преимуществу религіозными интересами и съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ оцѣнивающее всю сложность гражданско-политическихъ, соціально-экономическихъ и высшихъ культурныхъ отношеній. Какъ доктрина, расколъ есть обрядовѣріе, и этотъ характеръ не измѣнился на всемъ протяженіи исторіи раскола. Мѣняется внѣшняя физіономія раскола; среди раскола распространяется просвѣщеніе; раскольники не чуждаются теперь такъ иноземщины, какъ чуждались они раньше, пьютъ чай, кофе, ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ, ходятъ по каменнымъ мостовымъ, не чуждаются денегъ, хотя бы на нихъ и были двуглавые орлы, однимъ словомъ, пользуются, безъ всякихъ угрызеній совѣсти, всѣми благами культуры,—но сущность

раскола остается той же самой, какою была 200 лѣтъ тому назадъ. Это бросается въ глаза всякому, кто входитъ въ тѣсное соприкосновеніе съ расколомъ, или слѣдитъ за періодическими изданіями старообрядцевъ (особенно за *вопросами редакціи*).

На дняхъ на Рогожскомъ кладбищѣ открывается первый высшій старообрядческій институтъ съ весьма обширною программою какъ спеціально богословскихъ, такъ и общеобразовательныхъ предметовъ. На этотъ институтъ, какъ на будущій разсадникъ ученыхъ апологетовъ старообрядчества, старообрядцы возлагаютъ весьма большія надежды. На этотъ институтъ возлагаемъ большія надежды и мы, если только наука займетъ въ немъ подобающее ей положеніе, а не будетъ простою служанкою противниковъ мира Церкви Христовой. Пожелаемъ, чтобы свѣтъ, который этотъ институтъ дастъ своимъ слушателямъ, не былъ сокрытъ ими подъ спудомъ, знанія ихъ не были потрачены на писаніе длинныхъ трактатовъ на странныя и безполезныя темы о томъ напр., какъ нужно класть крестное знамя при чтеніи молитвы Іисусовой (о чемъ спорятъ въ настоящемъ году старообрядцы), пожелаемъ, чтобы старообрядцы-поповцы при помощи свѣта науки, при объективномъ характерѣ изслѣдованія, дошли до признанія того, какъ мелочно, ничтожно съ точки зрѣнія идеи вѣчнаго спасенія, какъ цѣли человѣческой жизни, то, изъ-за чего они отдѣляются отъ своихъ братьевъ по вѣрѣ, а убѣдившись въ этомъ сами, помогли и другимъ согласіямъ разрѣшить ихъ внутреннія затаенныя муки о безъисходности своего положенія, помогли напр. безпоповцамъ въ ихъ современной безпомощности съ ученіемъ объ антихристѣ, бѣглопоповцамъ,—съ ихъ исканіемъ законной іерархіи, и вмѣстѣ съ ними пришли, руководимые свѣтомъ истиннаго знанія и любовію къ братьямъ по вѣрѣ и крови, туда, откуда они ушли въ страну далечу, и тамъ блуждая во тьмѣ невѣжества и вражды ожесточились.

на Церковь, которая, какъ чадолюбивая мать, непрестанно зоветъ ихъ къ себѣ.

Пусть же Рогожскій институтъ будетъ мостомъ чрезъ пропасть невѣжества и вражды!

